

И. Сургучев

ОСЕННИЕ СКРИПКИ

Пьеса в 4-х действиях

Действующие лица:

Лавров, Дмитрий Иванович, присяжный поверенный, лет 48–50.

Варвара Васильевна, его жена, лет 36–37.

Верочка, их дочь, приемыш.

Барановский, Виктор Иванович, присяжный поверенный. Был помощником Лаврова.

Груша, горничная.

Швейцар Василий.

Дворник.

Гости.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Воскресенье. Утро, – часам к 12. Светлый, прозрачный сентябрьский день. Столовая: большая, высокая комната. На правой стене – большие, широкие окна в 8 стекол. Перед окнами деревья, с них уже сыплются листья. Падает косой солнечный свет, – на полу косые тени от рам.

У окна, покончив с завтраком, сидит в глубоком плетеном кресле Дмитрий Иванович. Перед ним, с капельницей в руках, стоит Варвара Васильевна. Около, на маленьком столике, – лекарства.

Еще до поднятия занавеса слышно, как в далеких комнатах играют «Осеннюю песню» Чайковского.

Варвара Васильевна (прерывая молчание). Ну, Дмитрий? Ты злоупотребляешь моим терпением.

Дмитрий Иванович. Подожди, Варя, подожди... Дай послушать... Верочка так хорошо играет, с таким чувством... Мне кажется, что у нее настоящий музыкальный талант...

Варвара Васильевна. А мне кажется, что она играет вон для того смешного офицера, что стоит направо... Он каждый день поджидает ее, провожает... И теперь вот: проводил ее из церкви, а сам спрятался за забором и украдкой смотрит на окна.

Дмитрий Иванович. А она знает об этом? Как ты думаешь?

Варвара Васильевна. А то нет? А то ты думаешь, она для нас с тобой играет «Осеннюю песню»? И окно ее раскрыто. И холода не боится. Сентябрь месяц.

Дмитрий Иванович. Как это хорошо! Как это молодо! Ты только подумай: как это молодо! Девушка играет осеннюю песню. Играют эти прекрасные, осенние скрипки! Посмотри в окно: падают листья, медленно плывут по небу облака, летят караванами птицы... И все нежные души грустны теперь и слышат, чутко

слушат, как играют скрипки осени... У весны – флейты, у лета – трубы, и только осень выбрала себе скрипки, – тончайшие, бесконечно нежные скрипки... А внизу стоит офицер и слушает и любит...

Варвара Васильевна. Вот, вот: высунулся... О-о! Закрутил ус!.. Теперь неотразим!.. Сделал грудь колесом! Неотразим!

Дмитрий Иванович. Как это молодо! Как это далеко от нас с тобой!

Варвара Васильевна. Ну будет!.. Давай глаза, Дмитрий...

Дмитрий Иванович. Еще минуточку... Ну еще одну... Замолчи. Слушай.

(Пауза. Вторая часть «Осенней песни» слышна).

Дмитрий Иванович. И ты, Варя, – уже осенняя, но прекрасная... И в твоей жизни, и в твоей душе уже начали скрипки свою мелодию... И я горжусь тем, что всю жизнь ты любила меня... Всю жизнь ты вела меня по цветам... И вот сейчас ты завяжешь мне глаза, а я и в темноте буду видеть тебя, – на протяжении всех этих 15 лет.

Варвара Васильевна (торопливо, думая о своем). Ну довольно мечтать, милый. Давай глаза... (Пускает ему капли в глаза).

Дмитрий Иванович (подставляя глаза). Прекрасная весна обратилась в прекрасную осень.

Варвара Васильевна. Да, мой друг... Прекрасная весна обратилась в прекрасную осень, а во что превращается прекрасная осень?

Дмитрий Иванович. Ой, больно! Щиплет!

Варвара Васильевна. Ничего, ничего, – потерпи... (Завязывает ему глаза бинтом).

Дмитрий Иванович. Как больно!

Варвара Васильевна. Ничего, друг мой! Три денька только осталось походить с завязкой... А потом опять все будет хорошо!.. (Пауза, кончает перевязку). А во что превращается прекрасная осень? Ты не ответил...

Дмитрий Иванович. А прекрасная осень превращается в холодную белую мудрую зиму. Наша зима – мудрая зима. Есть мудрость в ее спокойствии, – в этом широком белом спокойствии.

Варвара Васильевна. И спокойствие это не белое, а седое... (Во время разговора

Варвара Васильевна собирает и прячет лекарства).

Дмитрий Иванович. А разве седое, серебряное – не красота?

Варвара Васильевна. Красота-то, красота, мой друг, но...

Дмитрий Иванович. Что «но»?

Варвара Васильевна. Так...

Дмитрий Иванович. Но все-таки?

Варвара Васильевна. Ничего... Ты настроен сегодня лирически, Дмитрий... Может, еще выпьешь чаю? (Подводит его к столу. Он садится).

Дмитрий Иванович. Нет, не хочу... Мерси. (Варвара Васильевна звонит. Входит прислуга).

Варвара Васильевна. Барышня еще не переоделась?

Груша. Кончают... Почта. (Кладет на стол газеты и письма).

Варвара Васильевна. Убирайте со стола, Груша.

Дмитрий Иванович. Барышня! Верочка – барышня! Как хорошо сделали тогда, что взяли ее на воспитание... Какая пустота была бы теперь в доме!..

Варвара Васильевна (рассматривая почту). На твое имя денежная повестка и письмо...

Дмитрий Иванович. Деньги, вероятно, от Егорушкина...

Варвара Васильевна. Письмо городское...

Дмитрий Иванович. Прочти, пожалуйста...

Варвара Васильевна (разрезая конверт). Какой-то странный почерк... (*Читает*). Милостивый государь, Дмитрий Иванович! Извините, пожалуйста, что я, не будучи с Вами знаком, позволяю себе беспокоить Вас, но, уверяю, только долг совести диктует мне обязанность... (*Вдруг замолчала. Молча и быстро прочитывает дальнейшее*).

Дмитрий Иванович. Ну что же ты?

Варвара Васильевна (стараясь скрыть волнение). Ах, да пустяки все это!

Дмитрий Иванович. Но в чем дело? От кого письмо?

Варвара Васильевна. Не знаю.

Дмитрий Иванович. Посмотри на подпись.

Варвара Васильевна. Подписи нет...

Дмитрий Иванович. Аноним?

Варвара Васильевна. Да.

Дмитрий Иванович. Дай его мне. (*Протягивает руку*).

Варвара Васильевна. Оставь, Дмитрий... Письмо это глупо и подло. Ты знаешь, как опасно для тебя всякое волнение... А оно только понапрасну взволнует тебя...

Дмитрий Иванович. И, все-таки, я хочу знать. Дай письмо!

Варвара Васильевна. Не дам...

Дмитрий Иванович. Но позволь! Письмо мое? Письмо адресовано мне?

Варвара Васильевна. Глупый и грязный аноним...

Дмитрий Иванович. Но раз аноним, – чего же ты волнуешься? Я ясно слышу, как дрожит твой голос.

Варвара Васильевна. Когда неожиданно... Ну ты понимаешь? Из-за какого-то угла... Обольют тебя грязью... Боже мой! В такой ясный день...

Дмитрий Иванович. Слушай. Твои разговоры волнуют меня больше, чем, кажется, могло бы взволновать самое письмо.

Варвара Васильевна. Ну, понимаешь? Какой-то негодяй, – обычный провинциальный негодяй, – почитает долгом своей совести открыть тебе глаза...

Дмитрий Иванович. На что открыть глаза?

Варвара Васильевна. Он пишет о каких-то моих отношениях к Барановскому. Ты можешь понять?! (*Подчеркивается*). О моих отношениях к Барановскому.

Дмитрий Иванович (удивленно). К Виктору Иванычу?

Варвара Васильевна. Да, к Виктору Иванычу. Виктор Иванович – наш старый друг, мы всегда и везде почти бываем вместе, он постоянно бывает у нас, он пять лет был твоим помощником, – и вот теперь неизвестный доброжелатель считает долгом своей совести «открыть» тебе глаза. (*Подчеркивается*). Вот оно,

твое письмо, адресованное тебе... Прочти его сам, если считаешь нужным. Я не хочу еще раз перечитывать эту мерзость. Знаю, что глупо, но у меня нервная дрожь какая-то... Кто смеет? Кто смеет?

(Вбегает Верочка и сразу останавливается, видя взволнованные лица).

Варвара Васильевна. Верочка! Подожди, пожалуйста, мой друг, минутку... У нас тут разговор: ты можешь помешать...

Верочка. Так ты, мамочка, пришли кофе в мою комнату.

Варвара Васильевна. Да я тебя сюда через пять минут позову... Мы сейчас кончим...

Верочка. Отлично.

(Уходит к себе).

Дмитрий Иванович (взволнован; нервничает).

Варвара Васильевна. Я вижу, что ты взволнован. Право, я сделала глупость: этого письма просто не нужно было тебе читать...

Дмитрий Иванович. Но позволь! Письмо... хоть там и анонимное, но оно адресовано мне?

Варвара Васильевна. Ах, ты, кажется, придаешь ему серьезное значение?

Дмитрий Иванович. Значение я ему не придаю, — тем паче серьезного, — но меня удивляет, почему ты, такая уравновешенная, спокойная женщина, вдруг как-то неестественно взволновалась? Я ясно слышу, как дрожит твой голос... Глаза мои закрыты, но мне кажется, что я ясно вижу, как покраснело твое лицо, как дрожат твои руки...

Варвара Васильевна. Да позволь, Дмитрий. Неужели ты не можешь понять или не хочешь понять? Куда же девалась твоя чуткость, твоя тонкость? Ты пойми. Мы с Барановским действительно же бываем вместе везде. Твоя болезнь приковала тебя к дому, а мы с ним появляемся на вечерах, в театре, несколько раз сами устраивали благотворительные спектакли, концерты, и это, может быть, действительно кажется нашему городу чем-то необычайным, диким? Провинциальная грязь делает свое... Мы сидим тут, ничего не подозревая, любуемся осенним днем...

Дмитрий Иванович (горько). Слушаем осеннюю песню...

Варвара Васильевна. Да, слушаем осеннюю песню, а какой-то мерзавец купил за копейку лист бумаги, за копейку конверт и шлет вот эту гадость! И что же в результате? Два человека, живущие мирно и ладно 15 лет, стоят друг против друга и в отношения их, такие теплые, такие простые, вдруг прокрадывается какая-то стена...

Дмитрий Иванович (усмехаясь). Два человека, живущие мирно и ладно...

Варвара Васильевна. Ну да? Я же так и сказала?

Дмитрий Иванович. Да, да. Ты так и сказала. Ты так именно и сказала. Конечно! Живущие мирно и ладно!

Варвара Васильевна. Но почему ты подчеркиваешь это с такой иронией?

Дмитрий Иванович. Варя! Милая! Да ты же подумай только, какой это ужас! Живущие мирно и ладно... Ведь я же, оказывается, заблуждался? Я ведь думал, что в нашей с тобой жизни есть нечто большее, чем этот мир и лад?

Варвара Васильевна. Просто, Дмитрий, ты хочешь придиরаться к словам. Я горячусь и, может быть, не нахожу тех слов, какие надо, а с твоей стороны невеликодушно...

Дмитрий Иванович (перебивая). А-а, милая Варя, у рассерженных людей часто с языка срывается истина...

Варвара Васильевна. Ты меня злишь, Дмитрий...

Дмитрий Иванович. Я тебя не злю, Варя, но мне бы хотелось, чтобы в нашей жизни была и любовь, – любовь, Варя! А не только «мирно и ладно».

Варвара Васильевна. Но разве ее нет?

Дмитрий Иванович. Варя! Милая Варя! Ты знаешь, как я несчастен! Ты знаешь, что я, быть может, на пороге слепоты. Что я, может, вот-вот убогий человек, калека... Варя! Я знаю, что имя этому посланию – гнусность, и для того, чтобы покончить с этим навсегда, я задам тебе один вопрос. Позволишь?

Варвара Васильевна. Хоть двадцать, – прошу тебя...

Дмитрий Иванович (волнуясь). Скажи мне...

Варвара Васильевна. Только ради Бога не волнуйся... Выпей вот воды. (*Хочет дать воды*).

Дмитрий Иванович. Не буду, не буду, милая Варя, не буду. Теперь я совершенно спокоен. (*Волнуясь почти по-прежнему*). Скажи мне, как тогда... Помнишь, как 15 лет назад... Помнишь, как в тот тихий летний вечер, на Днепре, когда ты еще не была моей женой. Когда я только что поцеловал глаза твои, – в первый раз поцеловал глаза твои такие прекрасные? Скажи мне: ты любишь меня?

Варвара Васильевна (заметно дрогнув). Да, люблю...

Дмитрий Иванович (взволнованно). Ты не так говоришь! Не так! Не те интонации! Не так, Варя, не так! О, я хорошо помню, как тогда звучал твой голос! О, тогда была любовь! Теперь совсем не то! Теперь (*нервно смеясь*) мир и лад. Только мир и любовь!

Варвара Васильевна (становится возле него и гладит по волосам). Слушай, Дмитрий, успокойся... Успокойся! Ну, ты же чудишь! Ты просто не хочешь понять самого обыкновенного. Ну, что же это такое? Ну где же, милый, твоя чуткая, нужная душа? Где твое милое, ласковое сердце? Митя! Милый! Ну, где они? Ну, пойми же! Ведь это все равно, что если бы я вот шла по улице и мне какой-нибудь негодяй плонул в лицо... А ты хочешь, чтобы я была спокойна и чтобы в голосе моем были те же интонации, как и в тот вечер, как 18 лет назад. Ты просто не хочешь быть справедливым, Дмитрий, мой хороший, мой славный Митя...

Дмитрий Иванович (растроган). Митя?

Варвара Васильевна. Митя.

(*Малая пауза. Он растроган. Не находит слов, гладит ее по руке, несколько раз целует ладонь, пальцы*).

Дмитрий Иванович (тепло). Ну, поцелуй меня... Крепко, крепко... Слова обманули, поцелуй не обманет...

Варвара Васильевна (холодно, отшатываясь). Опять испытание?

Дмитрий Иванович (ласково, но теплоты уже нет). Поцелуй меня... Я не вижу

тебя, — я хочу почувствовать тебя...

Варвара Васильевна. После, Дмитрий... Дай мне немного успокоиться. А сейчас не мучь меня... Ради Бога...

Дмитрий Иванович (криво улыбаясь, с ласковостью уже искусственной). Да я и не мучу. Разве я тебя мучу? Я вижу, я чувствую твою душу. Я вижу, как ты оскорблена, — вижу и хочу успокоить тебя, мою любимую, мою дорогую. Ну, не хочешь ты пойти ко мне, — я пойду к тебе. (*Встает, идет, нащупывая дорогу*). Гора не подошла к Магомету, Магомет подошел к горе.

(*Варвара Васильевна со страхом смотрит на него приближающегося*).

Варвара Васильевна. Вот, вот я. Здесь...

Дмитрий Иванович. А, ты вот? Здесь? (*Подходит, нащупывает голову*). Милая! Я хочу видеть тебя! Я сниму повязку!

Варвара Васильевна. Не глупи, Дмитрий! Господи! Что за несчастный день! Еще три-четыре дня, и тогда снимешь...

Дмитрий Иванович (страстно целует ее). Вот видишь, как я целую тебя? Видишь, как сильна любовь моя? Ну-ка, скажи, что изменилось во мне с тех пор, с того вечера на Днепре?

Варвара Васильевна (тихо, сквозь скрытые слезы). Ты издеваешься, Дмитрий... Это недостойно тебя...

Дмитрий Иванович. Я? Издеваюсь? Ты не в своем уме! Я издеваюсь?

Варвара Васильевна (твердо о чем-то подумав, на что-то решившись). Да, ты издеваешься. Ты не веришь мне. Ты испытываешь меня. По какому праву, позволь спросить? Ты ищешь то каких-то старых интонаций, то поцелуев. Ты не веришь мне. По какому праву? У тебя есть основание не доверять? Ты требуешь доказательств?

Дмитрий Иванович (мягко). Позволь, Варя. Я никаких доказательств не требую. Да и какие могут быть доказательства?

Варвара Васильевна (перебивая). Есть доказательства! Есть точные и ясные, как день, доказательства того, что это письмо — гнусная ложь.

Дмитрий Иванович. Повторяю, я не требую доказательств.

Варвара Васильевна. Ты не требуешь доказательств? Ты перестал понимать себя, Дмитрий... А требование поцелуя? А требование каких-то старых интонаций?

Дмитрий Иванович (горько, тихо). Как ты выражаяешься: «каких-то старых интонаций»...

Варвара Васильевна. Да, да, да... Это — требования, мой друг, и требования — очень определенные... И я счастлива, что у меня есть доказательства. Счастлива! Потому что ты все равно отравлен этим письмом. Ты, все равно, потерял бы покой, раз ты на моих глазах теряешь веру...

Дмитрий Иванович. «Отравлен этим письмом»! Милая! Да разве это письмо для меня ново? Ты послушай. И раньше, и теперь я видел сны. А теперь — в особенности. Очевидно, когда человек слепнет, то к нему приходят особенные сны, понимаешь? Особенные, полные какого-то удивительного, не солнечного, а такого... как бы это тебе сказать? Яснее выразить?.. Какого-то особого, голубоватого цвета... И все люди, которые ходят в этом свете, тоже особые... И

видны их души: горят они... Тебе, может быть, кажется, что я говорю чушь, но это так, – это так, Варя. И вот давно уже я видел тебя, освещенную этим светом... Видел душу твою... И тогда уже... мучился я... Мучился... Но молчал, не говорил... (*Тихо*). Потому что, что же я мог сказать? И мучился... А это письмо... *Варвара Васильевна* (малая пауза; слегка насмешливо). А это письмо, значит, переполнило чашу?

Дмитрий Иванович. Тебе смешно...

Варвара Васильевна. Ничего смешного нет... Так вот что. (*Сильно волнуюсь*). Так вот что, милый... Только, пожалуйста, не вздумай опять волноваться... Я очень жалею, что раньше не сказала тебе этого...

Дмитрий Иванович. Чего?

Варвара Васильевна. А вот чего... (*Сильно волнуюсь, желая скрыть это волнение*). Барановский, понимаешь? Барановский, Виктор Иванович, любит Верочку и возможно, что скоро сделает ей предложение...

Дмитрий Иванович (поражен). Что? Что ты сказала?

Варвара Васильевна. Что? Не веришь ушам своим? Барановский любит Верочку...

Дмитрий Иванович. Барановский? Любит Верочку?

Варвара Васильевна. Да, Барановский любит Верочку... У них последние слова еще не сказаны и поэтому раньше времени мне ничего не хотелось говорить тебе... В сущности ведь это только их касается. (*Подчеркивая*). Но раз тебе так уж нужны доказательства, изволь. Только условие: прошу тебя, делай вид, что ты ничего не знаешь. Иначе, я выдала чужую тайну... Можешь обещать мне это?

Дмитрий Иванович. Но позволь, позволь... Или я дурак стал, или ничего не понимаю... Барановский любит Верочку... Но позволь!.. Когда? Как это случилось? Никогда или почти никогда я не видел их вместе... Несколько незначительных слов за обедом, несколько шуток, ведь это же все, что было у них? С Верочкой всегда какие-то офицеры, студенты, и сегодня вон она только что играла кому-то из них «Осеннюю песню».

Варвара Васильевна. Да, милый... С Верочкой всегда какие-то офицеры, студенты, а любит она Барановского, и Барановский любит ее... И, вероятно, предложение не за горами. Ну, а если ты желаешь постигнуть, как и когда это случилось (*слегка насмешливо*), желаешь постигнуть, так сказать, пути и тайны любви, то в данном случае я тебе плохой помощник... Как это случилось – не знаю, когда это случилось – тоже не знаю, и знает это только, кажется, один Господь Бог...

Дмитрий Иванович (молча, в волнении, покрывает поцелуями ее руки). Варя! Моя милая! Моя бесценная! (*Бросается перед ней на колени*). Ну, ударь меня. Прошу тебя, ударь сильно! Умоляю...

Варвара Васильевна. Оставь, успокойся... Успокойся... Только помни одно: я выдала чужую тайну, и поэтому будь деликатен... Понимаешь?

Дмитрий Иванович. Ах, Господи! Ну, понимаю, понимаю... Тут сердце трепещет от радости, а ты... Да чего бы я теперь не сделал? Ведь, кажется, что вот оно, вернулось снова прошлое, вот оно опять со мной, вот я обнимаю его, ощущаю

его тепло, вот он снова – вечер на Днепре, вот они снова, мои милые звезды, вот снова плеск теплой воды, вот она снова моя молодость, любовь моя, вот снова – со мной ты, моя славная, милая, родная моя Варюша... Ну, говори, говори же скорее: любишь?

Варвара Васильевна (проводя рукою по его волосам). Глупый...

Дмитрий Иванович. По-прежнему?

Варвара Васильевна. По-прежнему.

Дмитрий Иванович. Как тогда?

Варвара Васильевна. Как тогда.

Дмитрий Иванович (крепко целует ее). А теперь веди меня к телефону.

Варвара Васильевна (тревожно). Это еще зачем?

Дмитрий Иванович. А теперь веди меня к телефону. Ваше дело – молчать.

Третий игрок под стол.

Варвара Васильевна. Да с кем ты разговаривать хочешь?

Дмитрий Иванович. Ах, ты Боже мой! Ну, я и сам дойду. (*Идет, нащупывая*).

Вот стул, вот стол... (*Говорит*). Вот там должно быть окно. (*Поет*). А вот и телефон...

(*Варвара Васильевна все время тревожно следит за ним*).

Дмитрий Иванович. Барышня! Один, ноль, восемь... Да, да... Один, посередине маленький, такой маленький ноль и потом восемь...

Варвара Васильевна. Ты звонишь к Барановскому?

Дмитрий Иванович. Да-с, Варвара Васильевна, к Барановскому.

Варвара Васильевна. Слушай, Дмитрий...

Дмитрий Иванович (делает рукой успокаивающий жест). Это вы, Виктор Иванович? Здравствуйте, здравствуйте! Многие лета! Челом боярину бью! Это я, я, собственной персоной: подайте мальчику на хлеб, он Велизария питает. Я слепец. (*Пауза; слушает*). Да, что? Соскучился по вашей милости. Вы что же это, такой, сякой немазаный, сухой, нас забыть изволили? Да как же это, милсдарь, а? (*Пауза*). А? Да позвольте, позвольте, все это хорошо, все это манифик, но вот второй уже день вы глаз не кажете, а? (*Пауза*). Ах, сегодня собрались? Ну, вот, это великоле... а? Это, говорю, великолепно... Что? Дела? Э, батенька, попомните мое слово, всех дел не переделаешь... Всех дел, говорю, не переделаешь, глухая вы тетеря! Я вот делал, делал да и в Велизария обратился. Да, да. Хочу вот Верочку в поводыри взять. Опять плохо слышно? Вы по трубке пальцем постучите. (*Громче*). Хочу, говорю, Верочку в поводыри взять... Да, да. И буду ходить по городу, как Велизарий. А? (*Пауза*). Слушайте, друг мой, Виктор Иванович! Приходите-ка к нам обедать! А? Сегодня, ну, конечно, сегодня. Я вас такими сигарами угощу, что ахнете. Кривобоков из-за границы привез. Да, да, приехал. Третьего дня приехал, в пятницу. Так приходите. Ага! Развлеките Велизария. А? Ладно, ладно, ну, конечно. Спасибо. Значит, ждем к обеду. Манифик! Addio, mio саго... (*Вешает трубку*). Ну, вот. Он сегодня приедет обедать. Поклон тебе и Верочеке.

Варвара Васильевна. Спасибо.

Дмитрий Иванович. За рейнвейном пошли.

Варвара Васильевна. Ладно.

Дмитрий Иванович. Сегодня воскресенье, лавки закрыты, так с заднего двора надо.

Варвара Васильевна. Ну, ладно, ладно. Знаем.

Дмитрий Иванович. Пошли и аи. Мне сегодня что-то захотелось урубить муху.

Варвара Васильевна. Ну, и отлично.

Дмитрий Иванович. Отлично, отлично... А сама забудешь.

Варвара Васильевна. Иди, иди. Иди к себе. Скоро приедет чтица. Все будет сделано: и аи будет, и рейнвейн. Груша! (*Звонит*).

Входит Груша.

Варвара Васильевна. Проводите барина в кабинет, а потом придите сюда.

Груша. Слушаю, барыня.

Дмитрий Иванович. Ну-с, Грушенька? Вашу рученьку, и шествуем важно в спокойствии чинном.

(*Идут. Вдруг Дмитрий Иванович останавливается*).

Дмитрий Иванович. Тсс! Варя! Подождите-ка, Груша, подождите...

(*Останавливается*).

Варвара Васильевна. Ну-с, еще что такое?

(*Пауза*).

Дмитрий Иванович (*шутливо-таинственно*). Слушай! А как же офицер?

Варвара Васильевна. Господи Иисусе Христе! Какой еще офицер?

Дмитрий Иванович. А вот тот... С глупыми ногами...

Варвара Васильевна (*притворно-весело*). Ну, ты, Дмитрий, вечно с пустяками...

Дмитрий Иванович. Да постой! Как же? А стоит? А провожает? А осенняя песня?

Варвара Васильевна. Да иди, ради Бога! Сейчас чтица к тебе придет!

Дмитрий Иванович. Ну, идем, Груша! (*Поет*). Вот стул, вот стол...

(*Останавливается*). Ничего не понимаю! Хоть убей! (*Уходят*).

Варвара Васильевна (*смотрит ему вслед. Наступает тяжелое раздумье*).

Несколько нервных шагов по комнате. Остановилась у окна).

Входит Груша.

Груша. Я пришла, барыня.

Варвара Васильевна (*очнувшись от дум; спокойно, все время спокойно*). Вы здесь?

Груша. Здесь.

Варвара Васильевна. Барин в кабинете?

Груша. В кабинете.

Варвара Васильевна. Чтица еще не пришла?

Груша. Еще нет.

Варвара Васильевна. Что барин делает?

Груша. Легли на кушетку. Лежат.

Варвара Васильевна. Отлично. Позовите ко мне барышню.

(*Одна. Опять несколько нервных шагов. Видимо, хочет взять себя в руки*).

Входит Верочка.

Верочка (у дверей).. Можно теперь?

Варвара Васильевна. Можно, милая, конечно, можно.

Верочка. Наконец-то! Ну, здравствуй.

Варвара Васильевна (целует ее). Здравствуй, милая, здравствуй... Ты никак в церковь ходила?

Верочка. Угу. (*Шутливо, присаживаясь к столу*). Бог тебе милости прислал.

Варвара Васильевна. Спасибо.

Верочка. Понимаешь? Еще со вчерашнего вечера захотелось сегодня к обедне пойти.

Варвара Васильевна (шутливо-ласково). И офицер в церкви был?

Верочка (смузена; усиленно намазывает маслом хлеб). Был.

Варвара Васильевна. Что ж ты краснеешь?

Верочка. Я? И не думала.

Варвара Васильевна. Ого! И не думала! А сама, как кумач...

Верочка. И не думала, мамочка... уверяю тебя...

Варвара Васильевна. Ну, ну, милая... Меня не проведешь... Годом постарше тебя... Поручик?

Верочка. Что ты? Буду я там со всякой ерундой! Штабс-капитан!

Варвара Васильевна. Ого! И что же? Очень влюблен?

Верочка (закрыв глаза, утвердительно кивает головой; ест).

Варвара Васильевна. А ты?

Верочка. Я? И не думала.

Варвара Васильевна. Ой ли?

Верочка. И не думала!

Варвара Васильевна. А для кого ты играла «Осеннюю песню»?

Верочка. Да ни для кого. Сама для себя. Захотелось. Играешь, а сердце болит... И кажется, что уже все кончено и что не будет у меня счастья в жизни.

Варвара Васильевна. Толкуй!

Верочка. Право, мамочка! И на душе: и как будто тоскливо... и как будто радостно...

Варвара Васильевна (улыбаясь). Не верится еще в осеннюю песню?

Верочка. Все равно, наперед знаешь, что грусть перейдет в радость.

Варвара Васильевна. Ну и хорошо. А теперь ешь скорей: нам нужно с тобой серьезно поговорить.

Верочка. Се-рьез-но?

Варвара Васильевна. Да. Серьезно.

Верочка (бросая еду). Что-нибудь случилось? У тебя такой тон... Ты меня пугаешь...

Варвара Васильевна. Ничего страшного нет: просто нужно поговорить серьезно. Ты уже большая. Ты девушка. Неужели ты думаешь, что нам с тобой уж так не о чем поговорить серьезно?

Верочка (после испытующей паузы лукаво грозит пальчиком). Шутишь? По тону вижу, что шутишь... (*Подходит к ней и ласкается, кладет ей на грудь голову*). О, я знаю тебя, моя милая, моя очаровательная мамочка!

Варвара Васильевна. Иди, иди: сначала поешь.

Верочка. Нет, мамочка, есть уже не хочется. От любопытства аппетит пропал.

Варвара Васильевна. А я тебе говорю: ешь!

Верочка. А я тебе говорю: от любопытства аппетит пропал. Не могу же я есть через силу?

Варвара Васильевна. Ну не разговаривай и не огрызайся. Вот—с все это (*делает ей бутерброд, наливает кофе*) извольте съесть. А тогда уж примемся за серьезные разговоры.

Верочка (смирно). Ладно. С тобой ничего не поделаешь. (*Ест*). Тебя не переговоришь. Видишь! Ем. Ем с жадностью.

Варвара Васильевна. Ну, ну...

Верочка. А меня сегодня из церкви еще и Кузьмич провожал.

Варвара Васильевна. Какой успех, а? Это, кажется, учитель?

Верочка (ест). Угу! Я ему сегодня говорю: а помните, Кузьмич, как мы вам в классе на доске написали: «Взыде плещь на главу твою за беззакония твоя»? Покраснел, как рак.

Варвара Васильевна. Это что ж? При штабс-капитане?

Верочка. Угу! Коли Бог тебя обидел, — не лезь. Провожатый какой, подумаешь, выискался! Кофе весь я обязана выпить?

Варвара Васильевна. Весь, конечно.

Верочка (вздыхая). Трудно жить на белом свете! (*Пьет*). Готово! (*Отряхивает крошки*). Готово, мамочка! (*Подбегает к ней, делает честь, как офицер, говорит басом*). Позвольте представиться: штабс-капитан Березовский.

Варвара Васильевна. Ах, он Березовский.

Верочка (передразнивая офицера). Точно так-с! Штабс-капитан Березовский! Я — человек такой. Я вспыльчив, но не зол... Но при случае, знаете, милая барышня, могу глубоких глупостей наделать...

Варвара Васильевна. Ну, ну... Перестань дурить. Бери стул и садись сюда...

(*Все время, пока Вера ест, Варвара Васильевна сидит у окна*).

Верочка. Я лучше так. Я лучше сюда, мамочка. (*Берет маленькую скамеечку и садится у ног*). Здесь теплее.

Варвара Васильевна. Ну сюда. Вот так. (*Гладит ее по волосам*). Какие у тебя волосы!

Верочка (наставительно). Ты, мамочка, без формальностей: приступай прямо к делу.

Варвара Васильевна (после паузы; тихо). Слушай, Вера: у тебя с Березовским ничего нет?

Верочка. Господи Иисусе Христе! Да что ты? Откуда ты взяла?

Варвара Васильевна. Я так, только спрашиваю.

Верочка. Да ведь он отврат. Страшнющий. Мамочка! Да ведь, если он по улице идет, автомобиль на дыбы становится.

Варвара Васильевна (гладит ее по голове, улыбается). Какая ты еще девочка! Ну, выбрось из головы все!

Верочка. Все?

Варвара Васильевна. Все.

Верочка. Слушаюсь! (*Стучит себе по лбу пальчиком*). Штабс-капитан Березовский! Слышите? Пожалуйте-с вон из головы! Мамочка велит все выбросить вон! Вот что-с! Да-с! За окно! (*Делает жест, будто выбрасывает*). Готово! Штабс-капитан уже там...

Варвара Васильевна. Ну вот и хорошо. Теперь сиди смирно и слушай.

Верочка. Сижу смирно и слушаю серьезно, мамочка! А ты ведь забыла...

Варвара Васильевна. Что еще?

Верочка. Штабс-капитана-то я выбросила...

Варвара Васильевна. Ну?

Верочка. А Кузьмич-то... Ты забыла? Кузьмич-то еще в голове сидит...

Варвара Васильевна. Ну оставь, Верочка, слушай.

Верочка. Постой, мамочка, нельзя... Мешать будет. Ты его не знаешь. Он прилипчивый. (*Стучит пальчиком по голове*). Кузьмич-порастричь! Слышите вы, Кузьмич? Взыде плещь на главу твою за беззакония твоя! Пожалуйте-с! Что? Без разговоров-с. (*Варваре Васильевне тихо*). Видишь? Упирается! (*Воображаемому Кузьмичу*). Без разговоров-с, милостивый государь, – русским языком вам говорят! Полицию позову! Что? Э, нет, нет! Это в другой раз... Пожалуйте-с... (*Выбрасывает и его*). Ну вот, слава Богу! Теперь никого. Ни души. Хоть шаром покати. Все там. (*Показывает на окно*). А на улице, небось, им холодно! Бедненькие!

Варвара Васильевна (обнимая ее). Девочка ты моя милая, ясная... Ребенок еще ты.

Верочка. Я? Ребенок?

Варвара Васильевна. Ты. Ребенок. Да.

Верочка (укоризненно). Мамочка! Да у меня платье уже длинное. Длиннее твоего. За мной положительные люди ухаживают.

Варвара Васильевна (волнуясь). Ну так вот. Слушай. Я сейчас говорю уже совершенно серьезно. Ты, конечно, хорошо знаешь Барановского?

Верочка. Это Виктора-то Ивановича?

Варвара Васильевна. Да.

Верочка. Господи Боже. Ну еще бы!

Варвара Васильевна. Ну так вот. (*Легкая пауза*). Он... любит тебя.

Верочка (изумленно). Что-о?

Варвара Васильевна. Он любит тебя. И скажу, пожалуй, больше: он будет просить твоей руки.

Верочка. Барановский? Виктор Иванович?

Варвара Васильевна. Да. Барановский, Виктор Иванович.

Верочка. Хо-хо-хо. Вот так серьезный разговор!

Варвара Васильевна. Я не шучу, Вера... Я говорю совершенно серьезно.

Верочка. Да что ты, мамочка? Да ты подумай. Да разве я пара Виктору Ивановичу? Да что ты? Да ты посмотри на меня, мамочка! Да на что я ему? Ну там Березовский, ну Кузьмич, – это еще туда-сюда. Это по мне. А Виктор Иванович!

Варвара Васильевна. Что «Виктор Иванович»?

Верочка. Да нет!

Варвара Васильевна. Нет, ты ответь: что «Виктор Иванович»?

Верочка. Да подумай ты хорошенъко: разве я достойна его?

Варвара Васильевна. Я ничего не знаю. Он просил передать, что любит тебя...

Верочка (перебивая). Он? Любит меня? (*Счастливо, довольно улыбнулась*).

Варвара Васильевна (нежно-придирчиво). Ага? Ты уже улыбнулась? И улыбнулась как-то особенно?

Верочка. Я? Улыбнулась? И не думала.

Варвара Васильевна. Ты улыбнулась.

Верочка. Да постой, мамочка. Хоть бы и так. Да тут не улыбаться, тут смеяться до упаду нужно. Ты подумай: Виктор Иванович любит меня! Да ведь он никогда никакого внимания, вот ни на столько (*показывает мизинцем*) не обращал на меня!

Варвара Васильевна. Эге? В твоем тоне звучит укоризна. А тебе бы хотелось, чтобы он на тебя внимание обращал?

Верочка. Господи! Ну еще бы! Кому бы этого не хотелось? Он такой красивый, такой...

Варвара Васильевна. Что еще «такой»?

Верочка. Такой умный.

Варвара Васильевна. Ну, вот видишь? Он такой красивый, такой умный давно заметил маленькую девочку и полюбил ее... Только не показывал виду...

Верочка (прячет голову у нее на груди).

Варвара Васильевна. И ты, я вижу, ничего, кажется, против его любви не имеешь...

Верочка (мечтательно). Он – такой...

Варвара Васильевна. Что еще такой? Договаривай.

Верочка. Да нет. Я не могу. Я не верю тебе. Ты шутишь, а потом будешь смеяться надо мной. Скажешь: дурочка, поверила...

Варвара Васильевна (отстраняя ее от себя). Вера! Повторяю тебе: я говорю совершенно серьезно.

Верочка (закрывает лицо руками. Молчит).

Варвара Васильевна. Ты рада? Ну что же ты молчишь? Да?

Варвара Васильевна. Вера! Я тебя спрашиваю.

Верочка. Я ничего не могу сказать тебе.

Варвара Васильевна. Но слушай. Молчание – знак согласия.

Верочка (молчит, не отрывая рук от лица. Пауза).

Варвара Васильевна. Слушай, Вера. Ты свою мать помнишь?

Верочка. У меня только одна мать: ты. Никого я больше не знаю.

Варвара Васильевна. Слушай, Веруся, моя милая, моя умненькая! Ведь ты знаешь. Я тебя ребенком взяла. И я, и Дмитрий Иванович – оба любили тебя, как родную. Своих детей у нас не было. И всю любовь свою мы обратили на тебя. Помнишь? Ты болела – и я просиживала у твоей кроватки целые ночи. (*Дрогнул голос*). И плакала... И покрывала тебя всю поцелуями, когда ты бредила...

Верочка (бросается к ней). Мамочка!

Варвара Васильевна. И ты, кажется, любила меня?

Верочка. И любила, и люблю, мамочка! И буду любить! Ты – моя, такая ласковая...

Варвара Васильевна. Ну так вот. Значит, зла я тебе не хочу? И вот тебе мой совет. Если Виктор Иванович сделает тебе предложение, отвечай согласием. А до тех пор веди себя так, будто ничего не знаешь.

Верочка (закрыв лицо, радостно смущенная, убегает).

Длинная пауза. Варвара Васильевна. Одна. Тихо. За окном падают листья. В дальних комнатах Верочка взволнованно что-то заиграла на рояле – несколько тактов – и резко их оборвала. У Варвары Васильевны – раздумье томительное, полное колебаний, боязни последнего шага. Наконец, решилась и подошла к телефону.

*Варвара Васильевна (тихо). Один, ноль, восемь. Да. Благодарю. Это вы, Виктор Иванович? Вот что. Вы слышите, кто говорит? Ну вот. К обеду сегодня не приходите. (*Отчетливее*). К обеду сегодня не приходите. Не приходите, да. Ну мало ли почему? Да. Придите сегодня в городской сад. Да, да. В семь часов. Как только начнет темнеть. Да, на площадку. Там никого не будет. Если немного опоздаю – подождите. Да. Потом скажу. Есть дело. Да, дело. Серьезное. Даже очень. Ну вот. До свидания.*

Вешает трубку. Прошлась по комнате. Поправила перед зеркалом прическу. Позвонила. Входит Груша.

Варвара Васильевна (тем же тихим, сдержаненным тоном, каким говорила по телефону). Вы сейчас сходите к Котельникову, – сегодня воскресенье, – так вы со двора: понимаете?

Груша (молча кивает головой).

Варвара Васильевна. Ну вот. И купите три бутылки рейнвейну и две бутылки аи. Я лучше вам напишу.

Груша (в то время, как Варвара Васильевна пишет). И нужно будет заморозить?

Варвара Васильевна. Да.

Груша. К обеду?

Варвара Васильевна. Да. Вот записка.

Груша. И больше ничего?

Варвара Васильевна (подумав; пауза). Больше ничего.

Груша неслышно выходит.

Варвара Васильевна прошлась тихо по комнате: раздумье, – прежнее, тяжелое. Остановилась у окна: тихо падают осенние листья.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Городской сад. Висячие электрические фонари. Тихо, осень. Небольшая площадка. На скамье сидит Барановский. В глубине сада, – там, где гуляющие, –

играет музыка, — сюда доносится еле-еле.

Сначала в глубине показывается женская фигура, — ей навстречу поднимается Барановский. Скоро музыка перестает.

Варвара Васильевна (подходя). Это ты?

Барановский. Я... Что случилось? Почему ты вызвала меня сюда?

Варвара Васильевна. Ну, здравствуй. (Она, видимо, устала).

Барановский. Здравствуй.

Варвара Васильевна. Я очень опоздала?

Барановский. Порядочно.

Варвара Васильевна. Ты давно уже здесь?

Барановский (смотрит на часы). С полчаса. Теперь половина восьмого.

Варвара Васильевна. Я тут заходила на почту, чуть знакомые гимназисты не увязались вслед, — куда вы, да что вы? А сад-то, а? Совсем опустел, гуляющих никого.

Барановский. Да, опустел сад.

Варвара Васильевна. Устала я, спешила... Думала: надоест ждать, уйдет.

Барановский (целует ей руку). Ну что ты?

Варвара Васильевна. Хорошо, что не пришел обедать... А все было заготовлено чин чином: и рейнвейн, и аи. Дмитрий Иванович звонил тебе по телефону еще, но тебя уже не было дома.

Барановский. Я обедал в клубе.

Варвара Васильевна. Так я и думала... А вечер какой чудесный! Сыплются листья, горят огни... Далекие... Музыка... Мне почему-то кажется, что играют там...

Барановский. Это так кажется. Эхо обманывает. Играли из «Фауста».

Пауза.

Барановский. Придет зима, посыплет снег. Уже нельзя будет видеться здесь.

Варвара Васильевна (тихо). Может быть, скоро и совсем не придется.

Барановский. Это как?

Варвара Васильевна. Очень просто. (Малая пауза. Робко). Слушай, Виктор...

Барановский. Ну?

Варвара Васильевна. Случилась беда: все узнал муж.

Барановский. Что?

Варвара Васильевна. Все узнал муж.

Барановский. Что узнал?

Варвара Васильевна. Ах, Боже мой! Что узнал? Что можно узнать о наших отношениях с тобой? Все узнал!

Барановский. Здравствуйте вам!

Варвара Васильевна. Да. Здравствуйте.

Барановский. Да каким образом?

Варвара Васильевна. Образ очень простой. Самый обыкновенный. Письмо.

Барановский. Аноним?

Варвара Васильевна. Да.

Барановский. И он прочел?

Варвара Васильевна. Да.

Барановский. Постой! Но ведь он же в полдень сегодня звонил ко мне по телефону? Просил обедать...

Варвара Васильевна. Да, он звонил к тебе и просил обедать... Но это уже после того, как я его успокоила.

Барановский. Чем же ты его успокоила?

Варвара Васильевна (закрывает лицо руками. Пауза).

Барановский. Чем же ты его успокоила?

Варвара Васильевна (с скрытым, очень сильным волнением). Я сказала ему... Я сказала ему... Я сказала ему, что ты женишься на Верочки... Что ты уже сделал предложение, но что до поры до времени мы решили это скрыть от него, пока вопрос не выяснится окончательно. Он поверил, успокоился, просил прощения и тогда вот позвонил к тебе в телефон.

Барановский. И великолепно! Пройдет время, – он, наверное, забудет, а если не забудет, то скажем, что вопрос выяснился окончательно, и дело разошлось. И все будет обстоять благополучно.

Варвара Васильевна. Я сказала Вере, что ты ее любишь и просишь ее руки.

Барановский (изумлен). Постой, Варя, – но ты с ума сошла? Я люблю Вери?

Варвара Васильевна. Постой, постой... Ты не горячись, милый! Ты, конечно, ошеломлен, – я это предвидела. Ты волнуешься, – это понятно. Но вот что, мой друг, – ты вдумайся в положение вещей, и тогда многое станет тебе ясным.

Барановский. Ты с ума сошла, повторяю... Говорить Верочки, что я ее люблю! Ребенку! Гимназистке, только что окончившей курс! Извини меня, пожалуйста: я не люблю никого, кроме тебя. Я люблю тебя, я полон этой любовью, я счастлив и...

Варвара Васильевна. И я люблю тебя! И ты отлично знаешь это. И только потому, что я люблю тебя, люблю горячо, сильно, – я и говорю: женись на Верочки.

Барановский. Ничего не понимаю! Во всяком случае – любовь странная.

Варвара Васильевна. Это так кажется. Когда ты все поймешь, – и для тебя ничего странного не будет.

Барановский. Извините. Мне кажется, что я здесь никогда и ничего не пойму. Просто ты разлюбила, и не знаешь, как отвязаться. Вот и родилась эта какая-то фантазия. Выдумала там какие-то опасности и почти по телефону дает приказ: «женись на Верочки».

Варвара Васильевна. «Отвязаться»! Ты сказал, что я хочу от тебя отвязаться!

Барановский. Да, ты хочешь отвязаться. Это ясней ясного.

Варвара Васильевна. Глупый! Большой ты. Присяжный поверенный. А глупый.

Барановский. Ну, конечно, глупый. Где нам, дуракам, чай пить?

Варвара Васильевна. Я бы просила тебя этот тон оставить...

Барановский. А я бы просил тебя оставить эти шутки с Верочкой, с женитьбой et caetera, et caetera...

Варвара Васильевна. Да откуда ты взял, что здесь есть какие-нибудь шутки? Никаких шуток здесь нет. Слушай серьезно, Виктор! Весь город почти знает о

нашей связи...

Барановский. Ну?

Варвара Васильевна. Фу, как ты груб!

Барановский. Извините, пожалуйста! Забыл сегодня «хороший тон» повторить...

Варвара Васильевна. Знает и говорит почти вслух... Пальцами показывает.

Барановский. Дальше что?

Варвара Васильевна. Ах, это тебя не удивляет!

Барановский. Но постой! Кого могут удивить обычные сплетни, обычные разговоры обычного провинциального города?

Варвара Васильевна. Даже если они стали доходить до ушей моего мужа? Да? Ты думаешь, если муж не обратил внимания на сплетню теперь, то он остался бы спокойным, если эти письма будут получаться ежедневно? Нет, милый, город должен узнать, что он лжет, лжет!

Барановский. И для этого я должен жениться на Верочке?

Варвара Васильевна. Да. И для этого ты должен жениться на Верочке. Ведь эту женитьбу я не сегодня только выдумала, мой друг! Это давно запало в мою мысль. Я ее со всех сторон обдумывала, много ночей бессонных было, и то взвешивала, и то, — и все говорило только, что это единственный выход из положения. Единственный, понимаешь? Сегодняшнее письмо положило конец всем колебаниям!

Барановский. Вот оно что!

Варвара Васильевна. Да, милый! Слушай, дорогой мой! Любимый мой! Счастье мое единственное! Ведь все равно, ведь, рано или поздно, а тебе ведь придется уйти от меня...

Барановский. Куда?

Варвара Васильевна. К другой женщине.

Барановский. Слыхали!

Варвара Васильевна. Ты не хочешь понять... Виктор! Ты отвернулся... Ты не хочешь понять самого простого, самого ясного... Слушай же...

Барановский. Я слушаю. Я — весь воплощенный слух.

Варвара Васильевна. Ты не хочешь понять того, что я хочу избавить тебя от необходимости уйти первому... Ведь, милый, пойми: пройдет ведь еще три года, четыре, и что получится? Ты будешь еще молодым, еще красивым, а я? Я знаю твою тонкую, удивительную душу, да, да, удивительную, я знаю, что говорю... Я знаю, что и тогда ты не покажешь виду, ты не оскорбишь меня, ты не захочешь обидеть меня... Но, милый, любимый, ведь ты же переживешь, да, да, ты переживешь в душе целый ад, тебя будет тянуть иная жизнь, иная красота... Я хочу быть мудрой, Виктор! Ну, Виктор! Витя! Милый! Подумай...

Барановский (молчит, но молчание это уже не сердитое, а думающее).

Варвара Васильевна (первая ревнивая нота). Ага! Ты молчишь? Ты замолчал? Ты уже соглашаешься?

Барановский. Я люблю тебя и ни о чем и ни о ком не думаю...

Варвара Васильевна. Ведь тогда что будет? Ведь тогда, чтобы удерживать тебя около себя, я должна буду, ну, как это сказать? Должна буду молодиться,

должна перестать быть сама собой, а ведь это же ужас! Пойми же! Вот поэтому я и прошу тебя: дай мне это счастье, дай мне эту последнюю гордость женщины, дай мне возможность уйти от тебя первою. Первою! Пойми!

Барановский. И вот ты нашла выход? Жениться на Верочке?

Варвара Васильевна. Да.

Барановский. Но постой! Скажи же на милость: Верочка... Что же это, предмет какой-нибудь, что ли, вещь, которую вот можно взять и положить в карман? Что у меня общего с Верочкой?

Варвара Васильевна. Ах, милый! Ты ведь совсем еще не знаешь этой девушки... Ты ни разу ведь не взглянул на нее, как на женщину. Для тебя она все еще гимназистка, которой 17 сентября нужно привозить цветы и конфеты... А ты взгляни на нее... Ты подойди ближе к ней, и тебя обвеет весной, синим небом, теплым солнцем...

Барановский (молчит).

Варвара Васильевна. Ты только подумай... Я не уйду от тебя совсем. Я уйду от тебя, как любовница, но я хочу быть около тебя, как мать, как старшая сестра. Ты женишься и будешь жить у нас, с нами, в одной семье... Ну, прибавится в доме одна только комната...

Барановский. Да, но ты забываешь, что может прибавиться и еще одна комната, имя которой: детская?

Варвара Васильевна. О, милый! Я не забываю этого! О, нет! Я забыть этого не могу! А ты только подумай: любить твоих детей! Ведь это будут мои дети, понимаешь? Пусть рожденные другой женщиной... Ведь это же счастье – передать им все, что ты любил во мне... Понимаешь?

Барановский. Значит, ты бы и не ревновала?

(Пауза).

Варвара Васильевна (тихо). А уж это касается только меня. Только моей души.

Барановский. Говорят: не ревнуешь, не любишь...

Варвара Васильевна (после паузы, тихо). А почем ты знаешь? Может быть, я и ревновать буду? Может быть, я и мучиться буду? Может быть, я сознательно на это страдание иду? И, может быть, это страдание необходимо мне, моей душе? Ведь вот посмотри, листья: они падают, падают медленно... Тихо кружатся в воздухе, грустные, умершие... Смотри: идет осень, всюду разлиты и печаль, и тоска, а какая красота? Вслушайся: ты ведь чуткий, ты такой чуткий, вслушайся, как играют скрипки осени, эти чудесные скрипки осени... Так и с душой человеческой должно быть: должна быть в ней печаль, должны в ней, рано или поздно, заиграть скрипки осени человеческой... (Тихо). Вот надо, чтобы и в моей душе засияли свой концерт эти скрипки, мои осенние скрипки... Ты не поймешь, если концерт этот я назову искупительным...

Барановский (после паузы). Варя, слушай! Прекратим этот разговор...

Варвара Васильевна (ласково, укорительно). Не понял! Не понял, Виктор! Ах ты! Ах ты!

Барановский. Все я понимаю отлично, но не хочу, понимаешь? Не хочу, не вижу причины зря и самому мучиться, и тебя мучить...

Варвара Васильевна. Значит, ты не согласен?

Барановский. Что? Жениться на Верочки?

Варвара Васильевна. Да.

Барановский. Нет, не согласен.

(Пауза. *Варвара Васильевна медленно достает из ридикюля маленький флакончик.*)

Варвара Васильевна (тихо). Тогда видишь это?

Барановский. Что это такое?

Варвара Васильевна. Это то, что примиряет нас с жизнью.

Барановский (схватывает ее за руку). Брось! Отдай! (Отнимает).

Варвара Васильевна. Фу, чудак какой! Ну, отнял один флакон, дома у меня осталось еще три...

Барановский. Ну и глупо!

Варвара Васильевна. Глупо? Так-таки и глупо?

Барановский. Так-таки и глупо... Мелодрама какая-то! Что ты меня запугать этим хочешь, что ли?

Варвара Васильевна. Запугивать я тебя, Виктор, ничем не хочу... Напрасно ты так думаешь... Напрасно ты сказал эту грубую фразу!

Барановский. Ну, а что же это такое? Что в конце концов обозначают все эти странные разговоры?

Варвара Васильевна. Какой ты... В голосе у тебя и раздражение, и упреки... А ни на одну минуту в твоем счастливом мозгу не мелькнула мысль: а почему она, моя любовница, держит всегда у себя яд? Почему она, счастливая, полная счастья, насыщенная счастьем, держит всегда у себя яд? Молчишь? Не подумал? (Ласково). Эх ты! А у меня давно уже лежат в столе эти флакончики... Помнишь, когда еще в Париж ездили? С тех пор...

Барановский (мягко). Варя! Милая!

Варвара Васильевна. Ответь, пожалуйста, на один вопрос. Я – грязная, развратная женщина?

Барановский. Что за дикий вопрос!

Варвара Васильевна. Я – глупая, трусливая мещанка?

Барановский. Ну, нет, конечно же нет!

Варвара Васильевна. Отлично! А меж тем что получается? Я обманываю мужа, обманываю, как развратная, как самая последняя мещанка. Сегодня муж узнает правду, я начинаю играть комедию и как! Откуда берутся силы? Откуда взялось умение лгать?

Барановский. Варя!

Варвара Васильевна. Ну, не перебивай! Давай договоримся до конца. Будь же рыцарем и согласись с тем, что я говорю правду. Это так. Я обманываю мужа. Почему? Потому что, скажи я правду, – ему смерть. Ему смерть! Пойми! Отказаться от тебя я тоже не могла, ну, не могла же, не могла! Так захотелось счастья, так потянуло к счастью... Откажись я от тебя, тогда была бы смерть мне. Ну, как выйти из этого? И вот смалодушествовала, и зашла в этот тупик... И, понимаешь, мне казалось тогда, что это – не ложь, не обман... Что в этом есть что-

то выше правды... Понимаешь? Вот есть правда. А это – выше правды. Счастье, смешанное с великой болью, с великим унижением, с великой обидой, – это выше правды, это – больнее правды, в этом, милый, тоже есть какая-то сила, но вот теперь и этой силы не стало... Больше лгать не могу. И не хочу!

Барановский. Ну, Варя, милая, ну, успокойся!

Варвара Васильевна. И вот, я почувствовала сегодня, что еще шаг – и пропасть. Обольет нас эта грязь, поползут и зашипят змеи, закаркают черные, отвратительные птицы, и разве тогда этот флакон будет не нужен? Вот почему я не запугивать тебя пришла этим ядом, не разыгрывать мелодраму я хочу перед тобой, а просто сказать: вот куда я пришла, вот мой тупик. Хочешь? Помоги. И прошу я тебя: помоги... Не хочешь, пусть будет, что будет.

Барановский (молчит).

Варвара Васильевна. Верочка! Когда я брала ее на воспитание, то словно предчувствовала: вот спаситель души моей!

Барановский (ласково, бережно). Постой, Варя... Ну, хорошо. Почему же именно Верочка? Разве у тебя не рождалось вопроса: ведь Верочка-то, Верочеке нужно быть счастливой?

Варвара Васильевна (дрогнувшим голосом). Да, конечно. Верочка должна быть счастлива.

Барановский. Ну, вот. Тогда ты только подумай об одном: я уж не говорю о любви. Я говорю только об одной, самой простой вещи. Я могу не понравиться ей, ну, вот просто не понравиться.

Варвара Васильевна. Ты? Ты можешь не понравиться?

Барановский. Ничего удивительного нет. Она так еще молода... И я могу оказаться героем не ее романа...

Варвара Васильевна. Слушай, друг мой... Я женщина и в этих вопросах разбираюсь хорошо, во всяком случае лучше, чем ты.

Барановский. Ну, смотри, Варя... Хорошенько подумай, что ты делаешь...

Варвара Васильевна. Ты согласен?

Барановский (молчит).

Варвара Васильевна (наклоняясь к нему ближе). Ты согласен?

Барановский (тихо). Ты просто, быть может, испытываешь меня? Испытываешь мою любовь к тебе? Смотри! Когда я начал почти соглашаться, в твоем голосе появилась тревога. Быть может, это ревнивая тревога?

Варвара Васильевна. Ты отвечай прямо: согласен?

Барановский (заглядывая ей в глаза). Ну, скажи? Ты пошутила? Да? Пошутила? Ты просто испытывала меня?

Варвара Васильевна. Нет, я не испытывала тебя. Я говорила правду.

Барановский. Ну, смотри. Я не говорю тебе: да, согласен. Этого сказать сейчас не могу, – так это нелепо, дико, странно, неожиданно, но...

Варвара Васильевна. Но?

Барановский. Но... Если это так надо, то...

(Большая пауза. Заиграла музыка, далекая, грустная, ласковая. *Варвара Васильевна встала, надевает перчатку*).

Варвара Васильевна. Музыка? Еще играют?

Барановский. Да, сегодня, кажется, последний вечер...

Варвара Васильевна. Но почему же гуляющих мало?

Барановский. Не знаю...

Варвара Васильевна. Ну, прощай. (*Протягивает руку*).

Барановский (*встает, смотрит на нее, руки не подает*). Я хочу поцеловать тебя.

Варвара Васильевна (тихо). Нет, теперь не надо. Подумай, почувствуй, пойми.

Барановский (подает ей руку и долго задерживает). Ты уже уходишь от меня...

Варвара Васильевна (молча склонила голову. Чувствуется, что на глазах слезы).

Барановский. Милая ты моя... Родная ты моя... (*Хочет обнять ее, но она настойчиво, мягко освобождается*).

Варвара Васильевна. Только это... (*Протягивает ему руку. Барановский долго целует ее... Она уходит и скоро в дальней аллее мелькает только ее силуэт*).

Сыплются, крутясь, листья. Прогулек трамвай.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Зал у Лавровых. Гости: обычная провинциальная интеллигенция. Званый вечер. Ужин уже кончается, хорошо выпито: души нараспашку.

В дальней комнате (налево) виден стол, за которым ужинали. В соседней комнате (направо) играют в карты.

Зал – большой, с высокими окнами на улицу. Отдельным уголком устроилась молодежь: взрослые гимназисты, гимназистки в серых форменных платьях, барышни во что-то играют. Около них Верочка, Барановский, Хозяева (Дмитрий Иванович без повязки) то появляются, то исчезают. Бегает туда-сюда прислуга. Часто к группе молодежи подходит Варвара Васильевна: она оживлена, но видимо беспокойна. Молодежь играет в фанты. Кому-то досталось: петь. Поет: «Перед воеводой». За столиком, ближе к авансцене, сидят важные гости.

Их разговоры:

1-й (важно). А по-моему мнению, господа, культурный, истинно культурный человек должен нести две обязанности. Во-первых: ежегодно являться к зубному врачу для осмотра зубов и ежегодно ездить за границу для обновления души и прочего. Так девять месяцев жить в снегах России, три – в лазури Запада.

2-й. Виноват. Один вопрос...

3-й. Великолепно.

1-й. Манифик!

2-й. Виноват. Один вопрос...

3-й. Так-то оно так, уважаемый Иван Порфирьевич. Конечно, поездка за границу дело хорошее, дело, так сказать, освежающее душу и чувства, – но ведь на это нужно иметь, во-первых, презренный металл и, во-вторых, свободное время?

1-й. Друг мой! Оппонент вы мой постоянный. Господа! (*Загибая пальцы*). Где бы, когда бы, о чем бы я ни заговорил, – заметьте: всегда с противным мнением выступает Илья Никитич. Друг мой, Илья Никитич, без презренного металла и в России шагу не сделаешь, а, во-вторых, за границей все дешевле. Я вот, например: я весь заграничный. Вот эта сорочка, – она куплена в Вене. Эти ботинки...

Кто-то из молодежи. Не видно. Покажите.

1-й. Ботинки куплены в Мюнхене...

Кто-нибудь из молодежи. Мозаика, а не человек.

1-й (*тихо*). Какая невоспитанность. (*Громко по адресу молодежи*). Ничего смешного нет. Смеется тот, про кого мудрец сказал...

Кто-то (перебивая). Куда уж. Что уж.

1-й (*взволнованно*). А этот сюртук! Сшит на острове Сицилия.

2-й. Скажите...

Кто-то из молодежи. А галстук?

1-й (*соседу*). Заметьте, пожалуйста, кто это кричит? (*Демонстративно отвечая*).

Галстуки я покупаю в Финляндии.

Его жена. У моего мужа все заграничное...

В группе молодежи демонстративно-протяжно откашиваются. Смех.

1-й. И сколько воспоминаний!

Его жена. И сколько воспоминаний! Он весь в воспоминаниях.

1-й. Когда я надеваю эту рубашку, – передо мною собор св. Стефана; когда застегиваю эти ботинки, – перед моими мысленными очами мюнхенская ратуша. А запонки? О-о! Воскресает Эйфелева башня. Кишит автомобилями Булонский лес...

(Подбегает маленький человечек в сюртуке).

Человечек (торопливо). Тсс... Господа! Иван Порфириевич! А знаете, что я вам скажу? Тсс... Я – лиса старая. Я – лиса старая. Сам сплю, а кур бачу. Смотрите ребята: в этом доме что-то готовится. Что-то готовится в этом доме. В кухне... Шампанское замораживают. Бутылки с золотыми головками. Сам видел.

Дама 1-я. Я тоже что-то заметила.

Человечек. Марья Матвеевна, ангел вы Божий. Глазок вы проницательный...

Дайте ручку! (*Бежит к другой группе*).

2-й. Да уж у Марии Матвеевны глаз–алмаз... Давно сказано...

3-й. Готовятся и готовятся, и пусть себе готовятся. Шампань дело не вредное.

Дама 1-я. Тсс... Варвара.

Варвара Васильвна (ходит, смотрит по сторонам, словно кого-то ищет. Она явно нервничает, неспокойна).

Дама 1-я. Что-то не в себе будто...

Дама 2-я. Витеньку своего ищет...

Дама 1-я. А он будто что-то с Верочки... И за ужином вместе, и так это любезно.

(*Входит лакей, вносит в бокалах шампанское*).

Дмитрий Иванович. Ничего, ничего. Пожалуйте на расправу. Варвара

Васильевна! Смотри, Верочка не хочет идти.

Варвара Васильевна. Э, нет... Пожалуйте, пожалуйте... (Идет и под руку приводит с собой Верочку. Вместе с нею показывается Барановский).

Варвара Васильевна (шутливо-веселым тоном). Ну, господа... (Берет бокал). Должна сообщить вам семейную нашу радость. Виктор Иванович, пожалуйте сюда! Нет, не сюда, а вот сюда, к Верочки... Господа! Поздравьте... Верочка и Виктор Иванович – жених и невеста.

Изумление общее. По городу – залп. Сразу все смолкли, застыло на месте. Только и слышно из карточной комнаты:

– Тридцать одно.

– Темная.

– Володя. Тасуй.

Дмитрий Иванович. Верочка! Милая ты моя доченька. (Целует ее). И ты, Виктор Иванович (Целует его). Ну, всего вам. До дна... (Пьет вино).

Варвара Васильевна. Поздравляю тебя, милая! (Долго и крепко целует ее). И вас, Виктор Иванович. (Гости переглядываются. Начинаются поздравления. И сейчас же в углах зашипели:)

– Вот тебе и фунт изюму!

– Старинная, батенька вы мой, пословица: конец венчает дело.

– Нич-чего не понимаю. В толк ничего не могу взять.

– Разогрейте мозги, милый!

– Главное что! Сама! Своими собственными...

– Ага? Вот тут-то она ему и сказала.

– Тут-то она ему и сказала.

– Ни черта не понимаю.

(Один говорит, а другой его слушает с неудовольствием [в сторону]).

– Спокойна-то, спокойна, но психологически глаз может увидеть такое, что и не снилось нашим мудрецам.

Другой. Ну, батюшка, батюшка, завели волынку. Психологический глаз там. У кого тут во всем городе есть психологический глаз? (С неудовольствием отходит).

Ему вслед. Дур-рак. Идиот. Ассел.

Дмитрий Иванович (тащит с собой кое-кого из молодежи). Чур, господа, не расходиться! Сейчас устроим танцы. (Смех, хлопают в ладоши). Браво, браво! Танцы. Господа! Танцы.

– Как? танцы?

– Очень просто. Танцы. Танцевать будем.

Дмитрий Иванович (смеясь). Только мебель бы вот прибрать к сторонке. Мешает, окаянная.

Общими силами начинают сдвигать в угол мебель. Опять шум, оживает. Сквозь толпу пробирается Варвара Васильевна и отзывает Дмитрия Ивановича в сторону.

Варвара Васильевна. Дмитрий Иванович, можно тебя на минуточку?

Дмитрий Иванович. Что ты, милая? (Отходит к сторонке).

Варвара Васильевна. Ты затеваешь танцы? Ну зачем?

Дмитрий Иванович. Да пусть попляшет молодежь. Эка важность!

Варвара Васильевна. Ну, а скажи, пожалуйста: кто же будет играть на рояле?

Дмитрий Иванович. Может быть, Аличка согласится.

Варвара Васильевна. Аличка? Аличка – девушка. Ей самой хочется танцевать, а мы ее за рояль усадим... Если затевать танцы, то тапера бы надо пригласить.

Кто-то из гостей разлетелся к ним:

– Варвара Васильевна!

Варвара Васильевна (останавливая его жестом). Одну минуточку...

Гость (ретируясь). Pardon.

Дмитрий Иванович. Варя. Да ты сама...

Варвара Васильевна. Мне самой играть? Но ты с ума сошел? Я и так еле на ногах стою.

Дмитрий Иванович. Ну, пожалуйста, ну для меня... Прошу тебя очень! Ну, для Верочки...

Кто-то из молодежи говорит им:

– Готово, господа! Все готово.

– Можно начинать...

Дмитрий Иванович. Ну, прошу: сыграй! Ну, хоть один только вальс.

Варвара Васильевна. Ну, устала же я. Чудак, право.

Дмитрий Иванович (целует руку, ведет ее к роялю).

Варвара Васильевна. И всегда ты, право, выдумаешь, чего не следует. (*Садится у рояля*).

Дмитрий Иванович (приглашая). Аличка! Аличка! Прошу вас...

Молодежь. Нет, нет. В первую пару – Верочка.

– С Виктором Ивановичем.

– Верочка, Верочка...

В зале – оживление, шум, разговоры.

Варвара Васильевна. Садится за рояль, – она устала, как-то поблекла. Села, положила руки на клавиши, – и не сразу, как будто издалека, в шум зала, постепенно расширяясь, вступают звуки рояля. И все смолкает: остаются только тихие, просветленные улыбки. Танцуют три пары, – среди всех Вера с женихом; все, расступившись, смотрят на них, и только время от времени из карточной комнаты слышно:

– Три девятки.

– А у нас дамы.

– Что? Дернули зуб?

Варвара Васильевна несколько раз хочет, видимо, посмотреть в сторону танцующих, но не хватает сил... Скоро остаются танцевать только Вера и Виктор.

И вдруг силы нашлись: Варвара Васильевна поворачивает голову в сторону танцующих, несколько мгновений смотрит, смотрит, и вот, сначала как-то странно, начали под ее пальцами ослабевать звуки, замедлился темп танца, случилось несколько ошибок в ритме, правой рукой взялась она за голову, и

только левая машинально продолжает еще играть аккомпанемент. И тихо, словно чему-то покорившись, склоняется голова на крышку рояля, потом ниже – на клавиши, и совсем смолкли звуки... *Обморок.*

К ней бросаются, ее окружают, – сразу зашипел муравейник, беспорядок, толкотня, бесполковщина... Голоса:

- Господи Боже мой!
- Воды, господа, воды, пожалуйста...
- Чего?
- Воды, Господи... Глухой бес...

В сторонке тихо:

- Ага? Что? Что я говорила? Ага?

Мужчина сдержанно отвечает:

- Да уж помолчала бы... Хоть на этот раз...
- Что молчать? Шила, батюшка, в мишки не утаишь...
- Шила! Шильница...

Верочка. Мамочка! Мамочка... Что с тобой, мамочка? Господа! Отойдите. Надо шнуровку распустить.

Дмитрий Иванович (все время суетится молча).

Слова Верочки служат как бы сигналом к разъезду.

- Ерунда.
- Обыкновенная история...
- Захлопоталась матушка...
- Хлопоты-то с обоих концов...
- Черт его возьми совсем: уже третий час.
- Ох, будут ли извозчики, а то видь семь верст киселя хлебать.

В это время Варвару Васильевну уводят в другую комнату. С нею неотлучно Дмитрий Иванович и Вера.

Гость 1-й (Виктору). Ну-а, а ты, счастливый, остаешься?

Виктор. Да, я задержусь на минутку...

Гость 1-й. Угар парень...

Виктор. До свидания, до свидания...

Гость 1-й. Орел...

Виктор. До свидания, до свидания...

Гость 1-й. Ну, проводи, хоть до передней.

Виктор. Ну, идем, идем.

Уходя Виктор тушит один рожок лампы. Сцена некоторое, очень короткое, время пуста. Потихоньку, на цыпочках, вбегает Виктор и стучит в комнату, в которую увели Варвару Васильевну.

Виктор. Верочка! (Пауза). Верочка!

Верочка (приотворяя дверь). А? Что ты?

Виктор. Можно сюда на минутку?

Верочка. Сейчас.

Виктор один. Выходит спустя несколько секунд Вера.

Виктор. Хорошенько притвори дверь.

Верочка затворяет осторожно дверь, идет к Виктору.

Виктор (берет ее за руки). Ну, что там? Как?

Верочка. Ничего. Приходит в себя.

Виктор. Вот и отлично.

Верочка. Все ушли?

Виктор. Уходят. Толкуются там в передней.

Верочка. И ты уходишь?

Виктор. И я... Третий час уже. Поздно. (Верочка отвернулась, ей больно).

Виктор. Ты что? Что с тобою?

Верочка. Ничего.

Виктор. Нет, нет... Ты чем-то встревожена?

Верочка. Да вот видишь: случай какой.

Виктор. Нет, не то: ты говоришь неправду. Зачем ты говоришь неправду?

Верочка (после паузы тихо). А зачем ты говоришь неправду?

Виктор. Я?

Верочка. Да, ты.

Виктор. Но позволь. На каком основании?

Верочка. (торопливо). Нет, нет. Слушай! Теперь уже поздно. Скоро ты уйдешь.

Я давно уже хочу спросить тебя об одной вещи. Скажешь?

Виктор. О какой вещи? О чем?

(Весь этот разговор ведется в полутонах, торопливо).

Верочка. Нет, ты скажешь? Сначала обещай...

Виктор (торопливо все время). Ну, конечно, скажу. Что за важность.

Верочка. Дело, понимаешь, щекотливое. Такое щекотливое, что я и не знаю, как приступить.

Виктор. А ты сразу так. Без колебаний.

Верочка. Хорошо тебе говорить: сразу. И какой ты недогадливый!

Виктор. Я ужасно недогадливый. Это верно.

Верочка. Я хочу тебя спросить...

Виктор. Спрашивай.

Верочка. Ну, неужели ты не догадываешься: о чем?

Виктор. Не догадываюсь, хоть убей!

Верочка (капризно). Значить не любишь.

Виктор. Вот тебе и раз!

Верочка. Если бы любил, живо догадался бы.

Виктор. Да люблю же, милая. (Ласково обнимает ее).

Верочка. Любишь? Честное слово?

Виктор. Люблю! Честное слово. А ты все еще не веришь?

Верочка. Не то, что не верю, а...

Виктор. Что «а»?

Верочка. Да так! Сомнения разные.

Виктор. Стой! Сейчас разрушим все сомнения. (Прислушивается). Там все спокойно? (Показывает на дверь).

Верочка. Там – все.

Виктор. Иди сюда.

Верочка. Куда?

Виктор. А вот куда я тебя приведу. Ведет ее к зеркалу.

Виктор. Видишь ты эту мордочку?

Верочка. Но постой... Я с тобой хочу говорить серьезно.

Виктор. Я и говорю серьезно. Ты только отвечай на вопросы. Мордочку вот эту ты видишь?

Верочка. Ну?

Виктор. Ну, вот! Коли видишь, – так подумай: можно ли ее не любить? Можно ли не полюбить эти глаза, например? Эти большие, ясные глаза? А эти волосы, такие густые, густые? А эти губы? А щеки... Ведь про них Кольцов сказал: «В молоки зажглась красна зорюшка». Ты моя красна зорюшка, да? А разве можно не любить красну зорюшку? Разве можно не любить всю эту милую девочку, такую ясную, такую светлую, такую доверчивую, – разве можно ее не любить?

Верочка. Опять этот тон?

Виктор. А он тебе не нравится?

Верочка. Так говорят только с маленьками.

Виктор. Вот тебе и раз!

Верочка. Ты шутишь, а мне больно.

Виктор. Ну, милая! Ну, люблю же, люблю. Ну, сядь сюда, вот. Послушай. (*Села на диван*). Люблю, – понимаешь? Люблю... И любовь эта пришла как-то сразу, вот словно с неба свалилась. И понимаешь? Даже как-то помолодела, посвежела душа, прояснилась. Это ты вошла в нее. Как-то вот сразу широко открылись глаза и вижу: ты, ты! Веруся! Ну, вот, как весна в декабре. Сразу охватила ты меня, оплела, околдовала...

Верочка. Сразу? Так-таки сразу?

Виктор. Так-таки сразу!

Верочка. Голова кружится от твоих слов.

Виктор. Люблю тебя, – вот и рождаются слова,

Верочка. Весна? В декабре?

Виктор. Да. Весна в декабре!

Верочка. Значит, ты – декабрь?

Виктор. Значит.

Верочка. Понимаешь? Ты говоришь так, что я снова чувствую себя девочкой, гимназисткой шестого класса. Понимаешь? Вот даже шоколаду захотелось.

Виктор. Так обожди минутку. Вот там есть шоколад.

(*Идет*).

Верочка. Не надо. Я пошутила. Ну, Виктор! Говорю же, пошутила.

Виктор (*принес шоколад*). Пожалуйте.

Верочка. Я пошутила, а он и в самом деле. (*Ест*). Чудак ты, братец ты мой.

Виктор (*тоже ест*). Правда? Вкусно?

Верочка. А сегодня были все мои учителя.

Виктор. И смотрели ревнивыми глазами.

Верочка. Да. И смотрели ревнивыми глазами.

Виктор. Придется, братец ты мой, ноги им перебить. (*Потихоньку отворяется дверь, показывается Варвара Васильевна; ее не замечают*).

Верочка (ласкаясь). Милый ты мой! Не надо им перебивать ноги. Я только тебя люблю, – тебя одного, большого, умного. В первый раз люблю. Взял ты мою душу и куда спрятал – не знаю. И хожу за тобой, как слепая, и все мои мысли – твои. И все мои думы только о тебе. И кажется... мне стыдно сказать... Это так... *Барановский.* Ну, что кажется? Говори.

Верочка. Кажется мне, что была я, понимаешь, слепа. И вот кто-то пришел и исцелил меня и сказал: «Открой глаза». И вот я открыла глаза, и первое, что увидела, это был ты. А все прошлое: гимназия, папа, мама, вот этот дом, – и все это было сон. И тогда я поняла, что давно, давно уже люблю тебя. Понимаешь? Ты в каждые именины дарил мне что-нибудь. Раз – книгу, раз – конфеты, раз – цветы. И я не понимаю, почему меня всегда тянет читать твою книгу? Почему твои конфеты я так бережно ем? По одной в день. А все твои розы я засушила, – все лепестки сохранила и даже пересчитала...

Барановский. Сколько же их?

Верочка. Семьсот четыре. (*Варвара Васильевна скрывается*).

Барановский. Милая ты моя! Ясная ты моя! (*Целует ее*).

Верочка. Ну, однако иди...

Барановский. Так не хочется...

Верочка. Поздно уже. Четвертый час.

Барановский. Поздно-то поздно...

Верочка. Вот то-то и оно. Тебе спать надо.

Барановский. А тебе?

Верочка. И мне.

Барановский. Ну, прощай!

Верочка. Прощай. (*Целуются*).

Барановский потихоньку, на цыпочках, уходит. Верочка идет провожать его.

Некоторое время сцена пуста.

Входит Варвара Васильевна, тушил электричество, оставляет только одну лампочку. Начинает играть вальс, переживая в нем все, только что случившееся. Через некоторое время в дверях показывается Верочка. Она за обе руки тянет Дмитрия Ивановича. Тот как будто не хочет идти, Верочка его убеждает в чем-то: все это потихоньку, на жестах, чтобы Варвара не услышала.

Вошли, наконец, в залу.

Верочка знаками предлагает Дмитрию Ивановичу танцевать, тот отказывается: не прерывая радостного настроения Верочки, скрывая перед ней свою тревогу, моментами тревожно всматривается в Варвару. Наконец, пускает свет в люстру, Варвара вздрагивает и обрывает игру.

Верочка. Ну что же ты? Мы пришли танцевать...

Варвара Васильевна (капризно-шутливо). Ну, что это такое? Ну почему все разошлись так скоро? Ведь я могу же играть. Могу! Экие дураки! Ну, обморок, – так нужно сейчас же шапку в охапку и бежать.

Дмитрий Иванович. Сбежали, матушка. Ничего не попишешь.

Варвара Васильевна. Противный город. А так хочется играть!

Дмитрий Иванович. А ты играй.

Варвара Васильевна. (капризно). А, играй, играй! Мне хочется, чтобы был шум, оживление, чтобы кругом танцевали, дурили... Отвратительный город. Яма, колодезь. Ну, будь это Москва, сейчас бы закатили куда-нибудь в ресторан: музыка, незнакомые лица, – а здесь, как могила. Все спят уже.

Дмитрий Иванович. А ты сыграй, а мы с Верочкой танцевать будем. Только вальс обычновенный, житейский... Чтобы танцевать можно было.

Варвара Васильевна. Ну, ладно. Танцуйте, хоть вы. (*Начинает играть другой вальс*).

Дмитрий Иванович (шутливо *Верочеке*). Mademoiselle, могу вас просить?

Верочка (так же шутливо, жеманничая). Ах, конечно!

Дмитрий Иванович (подражая провинциальным кавалерам). Удивительная сегодня погода, mademoiselle...

Верочка. Да, удивительная. Мне кажется, что вот-вот зима вступит в свои права.

Дмитрий Иванович. Вы на коньках катаетесь, m-lle?

Верочка. Да, катаясь.

Дмитрий Иванович. Как приятно иметь такую образованную визави!

Верочка (в тон). Как приятно иметь такого образованного кавалера!

Варвара Васильевна (вдруг обрывает музыку).

Дмитрий Иванович. Ну, вот тебе и раз!

Верочка. Мы только что разошлись.

Варвара Васильевна (захлопывая крышку рояля, встает). Нет, не могу! Устала. Пора спать. Вы, господин танцор, можете на все четыре стороны.

Дмитрий Иванович. А Верочка?

Варвара Васильевна. Верочеке мне нужно сказать два слова.

Дмитрий Иванович (раскланивается церемонно-шутливо). Madame, mademoiselle...

Верочка. Monsieur...

Дмитрий Иванович уходит.

Варвара Васильевна. Ну-с, так! Все значит сбежали?

Верочка. Все.

Варвара Васильевна. И Виктор?

Верочка. И Виктор.

Варвара Васильевна (шутливо). Нахал!

Верочка (вздыхая). Нахал.

Варвара Васильевна. Задай ему хорошенъко.

Верочка. Жалко. Он такой славный.

Варвара Васильевна. Правда, он славный?

Верочка. Правда. Он лучше всех здесь. Вот он ушел, и мне скучно... Тебе хочется в ресторан, а я бы вот хотела на санях покатить далеко-далеко, да так, чтобы дух захватило...

Варвара Васильевна. С ним?

Верочка. С ним... Господи! Когда же будет у нас снег? Мамочка! Скажи: будет у нас в этом году зима? Когда пойдет первый снег?

Варвара Васильевна (мечтательно, думая о своем). Снег? Я не хочу снега...

Верочка. Но это так прекрасно! Ты подумай! Первый снег, падающий с синего неба! Медленный, медленный такой... Кажется, что Бог благословляет землю...

Варвара Васильевна (мечтательно). А я, все-таки, не хочу твоего снега... Пусть пока играют скрипки осени... Осенние скрипки... А снег? Это уж конец... Это уже замолчали и осенние скрипки, последние скрипки...

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon coeur
D'une longueur Monotonne...

Верочка. Первый снег – колыбельная песня земле...

Варвара Васильевна. Колыбельная песня? Нет, это – не колыбельная песня... Это надгробное рыдание, если хочешь... Это – смерть тому, что было.

Верочка. Как смерть? Почему смерть? Придет весна и воскреснет все...

Варвара Васильевна. Воскреснет? Нет, не воскреснет... Родится новое, но прошлое не воскреснет... Прошлому – конец. Впрочем, что это мы завели с тобой этот разговор? Поди, сядь со мной...

(*Верочка садится к ней на кушетку. Молчаливая сцена. Варвара Васильевна приближает к себе Верочку и словно впервые рассматривает ее. Верочка ласкится, полная счастья и только что прожитого.*)

Варвара Васильевна. Неужели это ты, Вера?

Верочка. Я.

Варвара Васильевна. Я тебя не узнаю.

Верочка. Я сама себя не узнаю.

Варвара Васильевна. В твою душу что-то вошло, да?

Верочка. Да.

Варвара Васильевна. Новое?

Верочка. Да.

Варвара Васильевна. Это дает тебе счастье?

Верочка (молча кивает головой).

Маленькая пауза.

Варвара Васильевна. Ты сейчас целовала его?

Верочка. Да.

Варвара Васильевна (осторожно). А кто первый поцеловал: ты его или он тебя?

Верочка. Зачем ты спрашиваешь об этом?

Варвара Васильевна. Я все хочу знать. Ты ведь дочка моя? Да? Любимая? Я хочу, чтобы ничто не могло отравить твою душу. Понимаешь? Я хочу, чтобы на душе у тебя было тихо, тихо. (Пауза). (Скрывая волнение, берет ее за плечи, смотрит прямо в глаза). Он первый поцеловал тебя или ты его? Ты молчишь?

Не хочешь сказать?

Верочка (прячет лицо у нее на груди). Мамочка!

Варвара Васильевна. Ты первая?

Верочка (чуть слышно). Я.

Варвара Васильевна, радостная, не умея скрыть эту радость, встала и прошлась по комнате. На душе – опять бодро, опять весело. Поправляя перед зеркалом прическу, посмотрела на себя. Увидела на столе вино, налила и выпила несколько глотков. Верочка не изменила позы.

Варвара Васильевна. А он? (Вера молчит). А он ответил тебе?

Верочка. Да. Он поцеловал меня в волосы.

Варвара Васильевна. И сказал что-нибудь? (Молчание). Что же он говорил тебе? (Молчание). Ты хочешь это скрыть? Да? Хочешь скрыть?

Верочка. Он говорил: милая моя Верочка.

Варвара Васильевна. А ты? А ты что ответила?

Верочка (тихо). Я? Я – ничего. У меня сначала так сжалась душа, а потом... раскрылась. Я была так счастлива, мама... Ты знаешь, сначала он был странный такой, смутный, а теперь с каждым днем все лучше, все ясней.

Варвара Васильевна. Да?

Верочка. Да. Помнишь? Прежде он говорил мне о любви, – и было как-то странно. Говорил о любви, а у самого глаза спокойные, холодные. И не верила я. Собственно, даже не я. Я-то верила, а вот – понимаешь? – душа, где-то там далеко, далеко в глубине, не верила. Лжешь, думала я. Лжешь! Но, почему лжет? Зачем? Зачем я ему? Разве мало девушек в городе? Или я навязывалась ему? И так было больно, так обидно, что как-то раз... слезы... так и покатились ручьем из глаз.

Варвара Васильевна. Ну? А он?

Верочка. И тогда вот в первый раз как-то так мягко, мягко блеснули его глаза. И сказал он: Верочка... Милая... И тогда я сразу поняла: вот он, вправду, началось...

Варвара Васильевна. Да?

Верочка. Да. А сегодня во время танца я как-то особенно почувствовала, что близка я, дорога ему... И что ему больно бы было, если бы теперь сказать ему, что я не люблю его...

Варвара Васильевна. Победила?

Верочка. Да. Победила.

Варвара Васильевна. Чем же победила?

Верочка. Не знаю.

Варвара Васильевна (привлекая ее к себе, словно баюкая). Милая девочка... Весна ты, весна милая, яркая, полная цветов, полная солнца.

Верочка (не слушая, мечтая о своем). И когда мы танцевали сегодня... Ах, как это было хорошо! Какое это было счастье! И вдруг ты упала. Звуки так постепенно замерли. И у меня как-то, понимаешь, замерла душа...

Варвара Васильевна. Голова закружилась...

Верочка. Ты устала! Ты устала, моя милая, моя нежная, моя славная!

Варвара Васильевна. Да, устала.

Верочка. Пойди ляг. Я посижу около тебя. Укрою тебя одеялом.

Варвара Васильевна (целует ее). Милая моя!

Верочка. Я же люблю тебя! Обожаю тебя...

Пауза.

Варвара Васильевна. Куда он тебя поцеловал? Сюда?

Верочка (улыбаясь, отрицательно качает головой).

Варвара Васильевна. А куда же?

Верочка (показывает пальчиком). Сюда.

Варвара Васильевна несколько раз подряд, долго и порывисто, крепко целует ее в это место, и под поцелуем этим Верочки начинает чувствовать правду. И, с усилиями освободившись от Варвары Васильевны, она встала и тревожно и вопросительно смотрит на мать. Испытующая паузу, во время которой женщины смотрят друг на друга.

Верочка (холодно). Ты сейчас как-то странно целовала меня. (*Держится рукой за то место, которое целовала Варвара Васильевна, словно защищая его*).

Варвара Васильевна. Странно? Почему странно?

Верочка (настойчиво). Ты никогда раньше не целовала меня в голову.

Варвара Васильевна. Что ты, Вера! Что ты говоришь? Что с тобою?

Верочка. Ты всегда целовала раньше меня в щеку.

Варвара Васильевна (смущенно, с искусственной, виноватой улыбкой). Ах, какая ты смешная стала! Влюбилась и стала смешная. Ну, иди, — я поцелую тебя в щеку.

Верочка (резко). Не хочу!

Варвара Васильевна (встает; неискренний смех). Не хочешь? Так вот я насилино! (*Целует ее в щеку*). Хорошо теперь (*Верочка машинально подчиняется ее ласкам, не отвечая на них*). А теперь поцелую тебя в глаза. (*Верочка, как автомат*). Ну, вот! Довольна? (*Заискивающе, с неискренними, притворно беззаботными нотами*). Помнишь? Помнишь, как когда-то, когда ты была маленькой, я один твой глаз звала Егорушкой, а другой Петром Ивановичем? Я забыла: который Егорушка? Правый или левый?

Верочка (молчит, не сводит с нее глаз, словно испытывая).

Варвара Васильевна (явно тревожится под этим взглядом). Кажется, левый Егорушка?

Верочка (молчит).

Варвара Васильевна. Левый? Да? (*Сразу упавшим тоном*). Ты молчишь? Ты мне не хочешь отвечать? (*У Верочки все время созревают слезы. И вот тихо она склоняется к краю кушетки, закрывает лицо руками. Вздрагивают от рыданий плечи*). Верочка! Что с тобой? С тобой творятся странные вещи...

(*Верочка, не отнимая рук от лица, медленно идет к себе*).

Варвара Васильевна (почти кричит). Вера, Верочка!

(*Верочка, не оборачиваясь, уходит*).

Варвара Васильевна с изумлением, со страхом смотрит на нее, — ей хочется подбежать к ней, схватить ее в объятия, осыпать поцелуями, но нет ни сил, ни

смелости. И невольно опускаются руки, и стоит она с поникшей головой, и нет ни дум, ни мыслей: опустошилась душа.

Тихо отворяется дверь, неслышными шагами входит Дмитрий Иванович, долго и внимательно смотрит на нее.

Дмитрий Иванович. Варя!

Варвара Васильевна. Господи! Как испугал. Как привидение подкрался.

Дмитрий Иванович. Извини.

Варвара Васильевна. Ты что?

Дмитрий Иванович. Я ничего. Так...

Варвара Васильевна. Но у тебя тревожный вид какой-то.

Дмитрий Иванович. Тревожный?

Варвара Васильевна. Да.

Дмитрий Иванович. А впрочем, может быть.

Варвара Васильевна. Что случилось?

Дмитрий Иванович. Ничего не случилось. Я только об одном хотел спросить тебя.

Варвара Васильевна. Ну, так спрашивай же.

Дмитрий Иванович. Я, кажется, разговариваю с тобой обычным тоном, а ты почему-то повышаешь голос.

Варвара Васильевна. Может быть. Извиняюсь. Но я просто испугалась твоего необычного поведения.

Дмитрий Иванович. Ах, необычного?

Варвара Васильевна. Да. И вообще я скверно как-то чувствую себя. Поэтому, если тебе что-нибудь от меня нужно, спрашивай скорей и давай дадим друг другу покой.

Дмитрий Иванович (подчеркивая). Хорошо! Давай дадим друг другу покой. Это отлично, мой друг, сказано.

Варвара Васильевна. Силы небесные! Еще что-то такое...

Дмитрий Иванович. Варя! Поменьше восклицательных знаков, Ответь мне, пожалуйста, почему плачет Верочка?

Варвара Васильевна. Что такое?

Дмитрий Иванович. Почему плачет Верочка? Я сейчас встретил ее в коридоре, она шла и горько плакала. Почему?

Варвара Васильевна. Позволь мой друг, но это ты уж у нее лучше спроси.

Дмитрий Иванович. Я спрашивал. Она ничего не ответила. Даже не остановилась. Это похоже на Верочку?

Варвара Васильевна. Не понимаю.

Дмитрий Иванович. Не понимаешь? А я вот, мне кажется, понимаю!

Варвара Васильевна (резко). Что же ты понимаешь?

Дмитрий Иванович. Слушай: сколько лет мы живем с тобою, но этот тон у тебя – первый раз.

Варвара Васильевна. Ну, извини еще раз. Мне кажется, что я могу рассчитывать сегодня на известное снисхождение.

Дмитрий Иванович (взволнованно). Слушай, Варя. По своей профессии я видел

много слез человеческих. Я, может быть, не пойму картины Тициана, не пойму симфонии Бетховена, но слезы человеческие я пойму, Варя! Слезы я пойму.

Варвара Васильевна. Ну, прекрасно! А дальше что?

Дмитрий Иванович. Дальше? Дальше вот что: почему так заплакала Верочка? Это плакал уже не ребенок, уже не девочка, это плакал взрослый человек, чем-то глубоко и неожиданно обиженный, быть может, оскорбленный. Я скажу больше: это плакала женщина и так плакала, быть может, первый раз в жизни. Я спрашиваю, почему?

Варвара Васильевна. Я не знаю, почему.

Дмитрий Иванович. Не знаешь?

Варвара Васильевна. Не знаю.

Дмитрий Иванович. Ты лжешь, Варя!

Варвара Васильевна. Я не желаю больше говорить с тобой, Дмитрий! Поди к себе...

Дмитрий Иванович. Нет, извини! К себе я не пойду. И ты со мной говорить еще будешь!

Варвара Васильевна. Ты повышаешь голос?

Дмитрий Иванович. Да, я повышаю голос!

Варвара Васильевна. Ты что же, хочешь разыграть из себя повелителя?

Дмитрий Иванович. Я требую оставить этот тон. Ты будешь разговаривать сегодня со мной, как моя жена.

Варвара Васильевна. Я устала.

Дмитрий Иванович. Ну, милая, за столько лет можно раз немножко перебороть себя. Имей в виду, что весь вечер я сегодня следил за тобою, за каждым твоим движением.

Варвара Васильевна. Да?

Дмитрий Иванович. Да. И скажу больше: я нарочно устроил эти танцы.

Варвара Васильевна (тревожна). Ты? Ты нарочно устроил эти танцы?

Дмитрий Иванович (улыбаясь). Да, нарочно.

Варвара Васильевна (спохватившись). Ну, хорошо. Что же тут особенного? Что особенного в том, что были танцы? На всяком вечере, когда зовут гостей, бывают танцы.

Дмитрий Иванович. Да. Но я нарочно устроил так, что играла ты.

Варвара Васильевна. Да?

Дмитрий Иванович. Да. И я наблюдал: когда ты повернула голову и увидела...

Варвара Васильевна (резко, гневно). Что увидела?

Дмитрий Иванович. Ты не понимаешь?

Варвара Васильевна. Да! Не понимаю!

Дмитрий Иванович. Второй раз в жизни я принужден сказать тебе: лжешь! Лжешь, Варя! Лжешь! Ты помнишь то письмо, анонимное?

Варвара Васильевна. Помню. Да.

Дмитрий Иванович. С тех пор не переставала болеть душа моя. С тех пор я ясно все видел. Разве я не понял, что брак Барановского и Верочки устраивается тобою?

Варвара Васильевна. Что ты говоришь!

Дмитрий Иванович. И тон, и негодование твои лживы, Варя! Я видел Виктора, я видел его душу, я видел, что он не только не любит Верочку, но просто тяготится ею, тяготится теми отношениями, которые создала ты. И я бы не допустил этого брака. Понимаешь? Не допустил бы... Но потом совершилось чудо. Да, на моих, вот этих слепнущих, глазах совершилось чудо. Я видел, как Верочка своею молодостью, своею душой удивительной вошла к нему в душу. Я видел, как он все больше и больше заинтересовался ею. Я видел, как в нем, как огонек, зарождалось какое-то чувство, сначала незаметное, маленькое, как оно росло с каждым днем все больше и больше и как оно теперь перешло в любовь! Да, в любовь, в торжествующую! И я видел, как ты не верила этому, как ты не хотела верить, как не могла верить! И каждый прошедший день вплетал в твою голову по одному седому волосу. Все я видел, Варя, все, и сегодня я видел, как ты поверила... Да, сегодня ты поверила, мой друг... Я говорю неправду?

Варвара Васильевна (молчит).

Дмитрий Иванович. Я говорю неправду?

Варвара Васильевна (равнодушно). Да. Ты говоришь неправду.

Дмитрий Иванович. Лжешь! Я говорю правду.

Варвара Васильевна. Слушай, Дмитрий Иванович... Зачем волноваться? Если ты хочешь, я скажу тебе правду. Если я не говорила ее тебе до сих пор, то только потому, что не считала нужным волновать тебя... Ты же сам хорошо знаешь, как это вредно тебе, как это запрещали тебе врачи... Но если ты настаиваешь, если ты хочешь, изволь, скажу.

Дмитрий Иванович. Пожалуйста, прошу тебя...

Варвара Васильевна. Слушай, Дмитрий. Я жена твоя и знаю, что, если ты потребуешь, я должна рассказать тебе все... Но, милый мой, неужели ты не понимаешь, что у всякого человека есть такой уголок в душе, куда нельзя пускать никого, пусть это даже будет муж, любимый и дорогой? Ты ведь так чуток и интеллигентен. Есть такие уголки души, в которых хочется быть только одному... И поэтому я умоляю тебя: не входи, пощади! Пойми...

Дмитрий Иванович. Нет, ты скажешь!

Варвара Васильевна. Слушай: я и любила, и люблю только тебя одного. Поверь же мне! Ну, не настаивай! Не будь только собственником. Ты же видишь? Я измучена, у меня просто физических сил не хватает тебе лгать больше... Я уж не говорю о стыде, о совести... Ты, может быть, этому не поверишь... Но нет сил, понимаешь, простых, физических сил нет лгать дальше: я измучена, может быть еще обморок, я прошу тебя поэтому: не требуй от меня правды... Знай: я любила и люблю только тебя! И все сделаю для тебя, на все пойду для тебя!

Дмитрий Иванович. Я знаю правду и хочу, чтобы ты только подтвердила ее... Я не могу больше...

Варвара Васильевна. Не можешь?

Дмитрий Иванович. Не могу!

Варвара Васильевна. Ну, хорошо! Слушай! В последнее время, ну, так приблизительно с конца прошлого года, я стала чувствовать, что со мной

творится что-то неладное... Ты понимаешь, — я хочу сказать твоими словами, — я как-то особенно почувствовала скрипки своей осени. Понимаешь? Скрипки заиграли какую-то тревожную мелодию, слишком тревожную... Что-то случилось с сердцем, что-то случилось с душой. Случилось непонятное, беспокойное, тревожное, даже, быть может, больное... Мне как-то стало не по себе. И этот город, и этот дом, и эта обстановка, словно вот смерть шла на меня. Словно вот смерть — везде, в каждом уголке, караулит меня, хочет схватить, задушить... По ночам страшные сны, а тут еще заболели твои глаза, еще новая тревога. Каждый день бывал в доме Виктор Иванович. Его посещения как-то успокаивали меня, как-то умел он развлечь меня, я часто и подолгу бывала с ним, и любила бывать, мы ездили с ним по магазинам, устраивали всякие благотворительные вечера, концерты... И вот, помнишь, как весной он уезжал в Новочеркасск на защиту? Ну, вот... И вот тут я почувствовала, что со мной делается что-то неладное, что-то нехорошее... Я поняла, что на меня ползет чувство, мне ненужное, беспокойное, которое может разбить не только мою жизнь, но и твою, которое может исковеркать не только будущее, но и прошлое, которое расшибет прожитые годы, разорвет воспоминания, которое уничтожит всю душу и которое, может быть, не даст ничего, ну, понимаешь, ничего... Вот в таком положении очутилась я... Что делать? Тут ты с больными глазами день и ночь не давал мне покоя... Днем — как никогда ласковый, хороший, внимательный, добрый... Ночью, — я каждую ночь видела только тебя! Ты приходил ко мне молодой, студент, в вышитой косоворотке, опять снились夜里 на Днепре, ты целовал меня прежними, молодыми поцелуями, и когда я просыпалась, то боялась сойти с ума... Понимаешь? Сойти с ума... Боялась! Я чувствовала, что гибну, что гибель может быть каждую минуту! И вот я решилась избавиться от этого человека. Я видела, что Верочки он очень нравится, что это только на волосок от любви. На него я тоже сумела подействовать, я знала, что любовь в нем пробудится, в этом не было никакого сомнения: можно ли Верочку не полюбить, когда близко подойдешь к ней? Ну, вот. И правда: сначала он был холоден, но потом это чувство все таяло, таяло... Ты совершенно верно пронаблюдал это...

Дмитрий Иванович. И вот сегодня... Ты смалодушествовала?

Варвара Васильевна. Пусть так! Пусть смалодушствовала! Казни до конца.

Дмитрий Иванович. Но между вами ничего не было?

Варвара Васильевна. Ничего!

Дмитрий Иванович. Даже поцелуя?

Варвара Васильевна. Даже поцелуя. Да он даже не догадывался о том, что происходило в моей душе... Ему и в голову прийти не могло...

Дмитрий Иванович. Ты можешь заверить это честным словом?

Варвара Васильевна. Да, могу.

Дмитрий Иванович. Ты можешь поклясться всей своей прошлой жизнью?

Варвара Васильевна. Да.

Дмитрий Иванович. Всем прошлым счастьем?

Варвара Васильевна. Да.

Дмитрий Иванович. И всем будущим?

Варвара Васильевна (горько). Да, да! Охотно, мой друг...

Пауза.

Дмитрий Иванович. Ну, поди ко мни...

Варвара Васильевна (подходит).

Дмитрий Иванович (берет ее за руки). Милая ты, милая! Измученная моя девочка...

Варвара Васильевна. Ну, теперь... Веришь?

Дмитрий Иванович (гладит ее по голове). Милая ты моя... Милая... Прости!

Варвара Васильевна прошлась по комнате.

Варвара Васильевна. Ах, как болит голова, как болит...

Дмитрий Иванович. Ну, я иду... Прощай... (Целует руку). Чувствую, что не засну до утра...

Варвара Васильевна. Да уж теперь до утра немного осталось...

Дмитрий Иванович. Прощай!

Варвара Васильевна. Прощай!

Дмитрий Иванович уходит. Варвара Васильевна тушит одну лампочку. Подходит к окну. За окном – ночь темная, глухая... Горит внизу уличный фонарь. Сыплется густой, бесконечный снег, первый снег. Этот снег, как видите, поражает Варвару. Она вздрагивает, для нее – это какое-то знамение, странное совпадение. После этой, последней лжи мужу она словно умерла для себя, и вот, снег поет ей надгробное рыданье, то самое, о котором она только что говорила с Верочкой. Долгая молчаливая сцена, полная, однако, серьезного душевного движения.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация первого акта. Зима. Деревья перед окнами – в инее. В окнах – двойные рамы. Видно, как идет снег.

В комнате всюду разложены чемоданы. Готовятся к отъезду. Накрыт стол для завтрака: четыре прибора. Варвара Васильевна и Груша укладывают в чемоданы белье.

Варвара Васильевна. Нет, нет, Груша, это сюда! Там полно. Полотенца и простыни сюда, в этот чемодан.

Груша (разглядывая узор). Как пометили-то? Заглядишься. Узор-то какой!

Варвара Васильевна. Хороший узор, да.

Груша. Барыня! Монашкам отдавали метить-то?

Варвара Васильевна. Монашкам, да.

Груша. А куда ж едут-то молодые наши?

Варвара Васильевна. В Биарриц, во Францию.

Груша. Там что ж? Тепло теперь или что еще?

Варвара Васильевна. Тепло.

Груша. И не верится, чтобы где-нибудь теперь тепло было. У нас вон который день уже снег идет. А швейцар-то наш... (*прыскает*) уши отморозил! Вся дворня смеется: на печке, говорят, уши отморозить ухитрился. Любила я его, барыня, всей душой, а теперь все как рукой сняло. Подвязет лицо вот так, на зайца похож! Видеть его нет никакой психологической возможности.

Варвара Васильевна. Вы бы помолчали, Груша!

Груша. Я еще одно слово, барыня, скажу и тогда, как убитая, целый день ходить по комнатам буду.

Варвара Васильевна. Ну, говорите, Груша.

Груша. Позвольте и мне поехать на вокзал проводить их. Я на одну—разъединую минуточку.

Варвара Васильевна. Поезжайте.

Груша. Вот, барыня, спасиочки! Люблю страсть, когда на прощание звонки дают.

Варвара Васильевна. Поезжайте, поезжайте.

Груша. Я и шапочку в первый раз надену. Обновлю.

Входит Дмитрий Иванович.

Дмитрий Иванович. Ну, что? Как они, дела-то?

Груша. Готово, барин.

Варвара Васильевна. Большой багаж у них будет.

Дмитрий Иванович. Да. С удовольствием бы и я теперь закатил куда-нибудь под лазурь. (*Подходит к окну*). А то что ж? Снег и снег, пятый день вот уж идет. Хотя что ж? И снег хорошо. В комнате — хорошо, уютно. Двойные рамы. Ярко горит огонь.

Подходит к окну Варвара Васильевна.

Варвара Васильевна. Правда, какой сильный снег. Что ж это наши задержались?

Дмитрий Иванович (смотрит на часы). До поезда еще больше часу.

Варвара Васильевна. Позавтракать не успеют.

Дмитрий Иванович. А мы по-военному! На скорую руку.

Варвара Васильевна. Груша! Позовите швейцара и дворника или еще кого-нибудь, надо вещи отвезти на вокзал.

Груша. Иду, барыня.

Пауза.

Дмитрий Иванович (внимательно смотрит на Варвару Васильевну).

Варвара Васильевна. Что ты так смотришь на меня?

Дмитрий Иванович. А ну, ну, ну... Стой, стой так... У света...

Варвара Васильевна (смузленно). Что ты?

Дмитрий Иванович. Дай посмотреть на тебя... Ты подумай: как долго я ведь почти не видел тебя... И вот сейчас словно в первый раз...

Варвара Васильевна. Изменилась?

Дмитрий Иванович. Да. Немного.

Варвара Васильевна. Не деликатничай, мой друг... Каждое утро я вижу у себя в волосах все новые и новые белые ниточки...

Дмитрий Иванович (мягко). Не белые, а серебряные... Это струны осенней

скрипки, мой друг! (*Берет ее за руку*). Осенние скрипки играют свою мелодию. *Варвара Васильевна*. Да, играют. И, кажется, милый мой, пьеса идет к концу. Замолкают и скрипки. Посмотри в окно: просто сыплется снег.

Дмитрий Иванович. Да, сыплется снег.

Варвара Васильевна (*проводя рукой по его волосам*). И на наши с тобой головы падает, падает.

Дмитрий Иванович. Но от этого снега не холодно. Правда?

Варвара Васильевна (*после паузы, задумчиво*). Нет, милый, холодно! Очень холодно...

Дмитрий Иванович (*целует ей руку*). Как ты ласково сегодня говоришь! У тебя сегодня большие, большие, прозрачные, печальные глаза. И видят они, кажется, далеко, далеко.

Варвара Васильевна (*задумчиво*). Да, глаза мои сегодня видят далеко. Очень далеко...

Дмитрий Иванович (*искусственно бодро, желая поднять тон*). А мне хорошо, Варя! Что бы там ни говорили, а мне хорошо. Пусть замолкают даже последние скрипки, пусть идет старость, пусть на голову сыплет снег, а мне хорошо! Я рад, что вижу вот этот мир, меня радует все: и этот уют, и это тепло, этот яркий огонь в печи... Ты – у меня! (*Привлекая ее к себе*). И под снежным убором ты будешь прекрасна... И доживем мы тихо свою жизнь...

Варвара Васильевна (*сквозь скрытые слезы*). И уже никогда не увидим весны...

Дмитрий Иванович. Флейты весны, трубы лета, скрипки осени...

Варвара Васильевна. И безмолвие зимы. (*Украдкой вытирает слезы*). Рассентиментальничались мы с тобой, Дмитрий. И я все как-то нервничаю. Не нужно это! (*Встрепенувшись*). А вон и наши подъехали!

Она встревожилась; не знает, куда деваться.

Дмитрий Иванович (*смотрит в бинокль*). Эге-ге! Они и есть. Замерзла-то как Верочка. Эк ее разрумянило...

Варвара Васильевна. Холодно.

Звонок в передней.

Варвара Васильевна вздрогнула. *Она совсем встревожена и хочет скрыть это от мужа. В далеких комнатах голоса, – все ближе и ближе.*

Варвара Васильевна. Слушай, Дмитрий! Я пойду, распоряжусь насчет завтрака.

Дмитрий Иванович. Иди.

Голоса все ближе, – вбегает Верочки, с морозу румяная. За ней Виктор.

Верочка (*Дмитрию Ивановичу*). Как я рада тебя видеть! Ну, здравствуй еще раз. (*Порывисто целует его несколько раз*). Соскучилась я по тебе! Ну, как твои глазенапы?

Дмитрий Иванович. Хо-хо! Глазенапы смотрят. Не глазенапы, а обсерватория! (*Здороваясь с Виктором*). Здорово, Виктор!

Виктор (*грея у огня руки*). Холодно, черт побери!

Верочка. Холодно, папочка, ух, и холодно! Так и берет за щеки!

Виктор. Понимаешь, до леса докатили...

Верочка. Как там хорошо! Сколько снегу...

Виктор. И все нетронутый!

Верочка (перехватывая реплику). И все нетронутый! Наши следы первые. Так и легли, как рельсы.

Виктор. Теперь бы, знаешь, собрать хорошую компанию да на зайцев!

Верочка (около стола, берет корочку хлеба и жует). Ох, и есть же хочется!

Дмитрий Иванович. А вот сейчас завтракать будем. Сегодня у нас, ребятки, осетрина. Свежая! С хреном! Пальчики оближешь! «Отец дьякон! Пьете ли вы водку?». «Пью, когда есть холодная осетрина. Но и когда нет таковой, тоже пью!»

Входят: Груша, дворник и швейцар Василий.

Груша. Вот. Привела.

Дмитрий Иванович. Вы за вещами?

Швейцар (с перевязанными черным платком ушами. Концы платка торчат, как уши у зайца). Точно так-с.

Груша (глядя на него, прыскает. Швейцар строго смотрит на нее).

Дмитрий Иванович. А подвода есть?

Швейцар. Обязательно-с. Как же-с. Сани-с.

Дмитрий Иванович. Ну, вот. Вот эти три места в багаж. Кажется, так, Верочка?

Верочка. Да, да, так. Вот этот, этот, этот. Это все в багаж.

Швейцар. А все остальное в вагон-с?

Верочка. А остальное в вагон.

Швейцар (подумав). Знаете, много... Придется под диван класть.

Виктор (доставая деньги). И два билета купиши первого класса. До Волочиска.

Дмитрий Иванович. Эх, как услышу вот такие слова: Волочиск, Вержболово, Сосновицы, – так под ложечкой и начнет сосать... Надоел мне этот город до чертей!

Швейцар (распоряжаясь отправкой вещей). Город, осмелюсь доложить, аховой губернии. А тут еще, осмелюсь доложить, зима лютая будет.

Виктор. А ты почем знаешь?

Швейцар. По молодому месяцу предсказать могу. И вообще предзнаменование есть.

Дмитрий Иванович (шутливо Верочеке). Слышишь, слышишь, что человек говорит? А ты будешь в летних туфельках по песку бегать... (*Уходят*).

Уносят вещи. Верочка что-то говорит швейцару, что-то показывает. Виктор взял газету. Входит Варвара Васильевна. Все время она оживлена, нервно приподнята.

Варвара Васильевна. А-а, прикатили, голубчики! А уж мы ждем, ждем! (*Верочеке*). Ах ты, комик этакий! (*Целует ее*). Озябла, небось? А? У, так и есть! Уши красные, нос красный... Да брось ты! И без тебя все устроится. Садись лучше к печке... (*Ведет ее к печке*). Смотри, как ярко горит огонь! Как тепло, а? Смотри-ка! Садись вот сюда. Я вот и скамеечку тебе дам. Небось, и ножки замерзли?

Верочка. Нет, ничего... (*Она как-то сразу завяла*).

Варвара Васильевна. Рассказывай. А что ты такая невеселая?

Верочка. Я? Что ты, мамочка! Я – ничего! Веселая...

Варвара Васильевна. Виктор Иванович! Что вы там уткнулись в газету? Идите сюда, погрейтесь с нами...

Виктор идет молча.

Варвара Васильевна. Ну, вот. Садитесь сюда. Грейтесь...

Виктор. Интересная новость в газетах.

Варвара Васильевна. Ну-с, милостивый государь, ни слова о газетах... (*Вдруг швейцару*). Василий! Господи Боже мой! Да осторожней вы с этим сундуком. Его надо крышкой вверх нести, а вы...

Швейцар. Осмелюсь доложить...

Варвара Васильевна. Осмелюсь доложить, что крышка вот, а дно вот.

Швейцар. Это – вещь тонкая. (*Строго*). Дворник! Бери сундук правильнее... (*Переворачивают сундук, уносят*). Все это люди такие, что никак им правильно растолковать нельзя. Ужасно у них (*показывает на лоб*) министерство туда работает. (*Уходит. В дверях*). Через две минуты я на вокзале буду.

Входит Груша, перекладывает на столе салфетки.

Варвара Васильевна. Вина, Грушенька, побольше!

Груша. Слушаю, барыня.

Варвара Васильевна. Хочу, чтобы сегодня было много, много вина... Полный стол...

(*Груша ушла*).

Верочка (шутя). На дорогу много пить нельзя. Все билеты растеряем.

Входит Дмитрий Иванович.

Дмитрий Иванович. Как только разговор о вине, – я тут как тут. За три комнаты услышу.

Следом за ним Груша вносит рыбу.

Груша. Готово, барыня...

Варвара Васильевна. Ну-с, господа, пожалуйте! Не осудите: сами виноваты, что запоздали.

Дмитрий Иванович. Это что? О-о! Холодная осетрина! «Пью, когда есть холодная осетрина!»

Груша. Не совсем холодная, барин. Еще не остыла.

Дмитрий Иванович. Не остыла, – подождем! (*Все рассаживаются*). Приходит солдат на постой. «Бабушка, пекли пироги?» – «Не пекли, родимый!» – «Не пекли, – так подождем!» Виктор, Виктор! Ты сюда садись, брат! Мы с тобой сейчас по 15 капель примем. Да что ты, брать, сегодня такой: не человек, а туча?

Виктор. Да дело меня это беспокоит. Передал его этому, Филипповичу. Да и ноет душа...

Дмитрий Иванович. Это ты про елистартовское?

Виктор. Да.

Дмитрий Иванович. Оставь! На Филипповича можно положиться... Будь покоен.

Верочка (сердечно). Я вот тоже самое говорю ему: на Филипповича можно положиться.

Общий смех.

Дмитрий Иванович (шутливо Верочеке). Боже мой! Откуда говорят? Номер вашего телефона? А? Виктор! Жена твоя какая, а? (*Шутливо-серъезно*). Конечно, Верочка, ты права: на Филипповича можно положиться! Филиппович, – это, – о-о! Это, брат, штука! Ну-с! А по сему случаю погладим дорожку. За процветанье, так сказать (*мягко, тепло*), да пошлет вам Господь Бог хорошую погоду, пусть теплым будет океан, пусть жизнь встретит вас, как любимых своих детей, пусть громко и победно играют флейты вашей весны... А мы вот с ней будем здесь греться у камина, развернем карту Европы и будем думать: где-то теперь дети наши милые? (*Целует руку Верочеке*). Где-то Верочка наша, где дочка наша? Где мелькают белые туфельки? (*Звонит телефон*).

Входит Груша.

Дмитрий Иванович. Господи! Кто это там? Груша! Поговорите, пожалуйста!

Груша (в телефон). Я вас слушаю... (*Вдруг прыскает*). Это швейцар Василий. Ну? (*Не бросая трубки*). Говорит, что поторапливаться надо. (*В трубку презрительно*). Что? (*Дмитрию Ивановичу*). Говорить, что до поезда двадцать девять минут осталось... (*В трубку*). Что? (*Дмитрию Ивановичу*). Говорить, что уже все сделано.

Дмитрий Иванович. Ну, что ж? Будем поторапливаться... (*Наливает*). «Когда нет таковой, тоже пью». Груша! Тащите сюда пальто и шапки... Оденемся здесь... Ну-с? У всех налито? Ну, будем здоровы! (*Пьют*). Виктор, ты вот маслинами закуси. Хорошие! Иерусалимские!

Варвара Васильевна порывисто встает, вытирает глаза, идет к окну.

Дмитрий Иванович. Варенька! Что ты, милая? (*Пьет с ней*). Что с тобой? Господи Иисусе Христе!

Варвара Васильевна (дрогнувшим голосом). Оставь меня, Дмитрий... Иди... Завтракай...

Дмитрий Иванович. Милая ты моя! Ну, ничего... Ну, подожди... (*У самого слезы*). Ну, как-нибудь! По весне и мы с тобой соберемся... Потеплеет, проглянет солнышко, – мы и закатим... В Италию, – куда-нибудь во Флоренцию, в Палермо, в Сорренто... Ну, будет!.. Будет...

Варвара Васильевна. Хорошо!.. Хорошо... (*Близко прислонилась к стеклу, чтобы не видно было слез*).

Груша и другая горничная вносят одежду.

Верочка (порывисто, резко). Груша! Давайте! (*Быстро, резкими движениями, одевается*).

Одеваются Виктор, Дмитрий Иванович, Варвара Васильевна. Все молчат, все как будто что-то понимают, и это «что-то» – тяжелое, его нужно скрывать, таить.

Дмитрий Иванович. Ну-с, так... А теперь посидим... (*Сели. Пауза. Не смотрят друг на друга*).

Дмитрий Иванович (вынимает часы). Ну-с, господа, двинемся?

Виктор. Двинемся.

Дмитрий Иванович встает первый. За ним все.

Дмитрий Иванович (Верочеке). Ну-с, елочка! До свидания! (*Целует ее много*

раз). Будь здорова, рости большая (*шутливо*) и, самое главное, почаще пиши открытки... Прощай, Виктор Иванович! Будь покоен... А елистратовщину выбрось из головы... И думать забудь... Все устроится...

Виктор. Ладно, ладно. Спокойен.

Дмитрий Иванович быстро уходит. *Варвара Васильевна* прощается молча: *Виктору* жмет руку, *Верочку* целует.

Варвара Васильевна. Вы, господа, езжайте, а я на минутку задержусь... Дело тут есть небольшое.

Виктор. Но вы же все-таки придете?

Варвара Васильевна Да, да, конечно... Следом за вами...

Виктор. Ну, хорошо! Едем.

Уходят. Варвара Васильевна смотрит им вслед. Потом молча, с ока-меневшим лицом, осматривается вокруг себя: пусто. Зазвонил телефон, она снимает трубку, звонок перестал. Прошлась медленно по комнате, села в кресло... Склонилась...

Длинная пауза.

Тихо отворяется дверь. Входит неслышно Верочка. Она уже женщина, все понявшая и все желающая простить. Варвара Васильевна слышит ее, но не обворачивается.

Верочка подходит к ней, берет ее за руку. Та поднимается, – гордая, холодная, каменная: враг, – не нужно ломать комедию, – враг лицом к лицу. И вдруг посмотрела в ясные глаза, что-то порвалось, обнялись, зарыдали, покрывают друг друга поцелуями... Но... надо ехать. Об этом первая вспоминает Варвара Васильевна. Она идет к столу, на котором, завернутый в тонкую синюю бумагу, лежит букет. Вздрагивая от рыданий, Варвара Васильевна разворачивает бумагу и подает Верочки много, много белых роз. Та берет букет, крепко целует ее, уходит. У дверей останавливается.

Верочка. А на вокзал? Придешь?

Варвара Васильевна (молча кивает головой, подходит к окну, смотрит вниз: там Верочку ждут, надо ехать: до поезда осталось совсем немного).

ЗАНАВЕС

Илья Сургучев